

ОБСЕРВАЦИОННЫЙ КОРПУС. 1756-1760 гг. ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Кирилл Татарников

Высочайшим указом от 26 сентября 1756 г. императрица Елизавета Петровна велела сформировать «... новый корпус войска до тридцати тысяч человек считая всех чинов, который бы на нынешнее нужное время запасным служил». Сие «великое и новое дело» поручалось «в полное управление и диспозицию» генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Шувалова — инициатора данного проекта. Корпус следовало набрать как можно быстрее, поэтому Сенат обязал все коллегии, конторы, канцелярии, губернские и провинциальные власти оказывать Шувалову «скорое и не отложное исполнение, удовольствие и вспоможение» во всех касающихся до создания корпуса делах¹.

СОСТАВ И УСТРОЙСТВО КОРПУСА

КОРПУС этот был довольно необычным формированием. Части его представляли собой нечто среднее между пехотой и артиллерией: по численности каждый полк корпуса превосходил обычный полк армейской пехоты примерно вдвое, а по количеству артиллерии (даже с учетом дававшейся полкам на время войны артиллерии прибавочной) — впятеро. Первое время корпус называли «запасным» или просто «новоформирующемся», и лишь в начале мая 1757 г., когда Шувалов получил приказ двинуть его на соединение с «главной Ее Императорского Величества армией», марширующей в Пруссию, корпус стал именоваться «Обсервационным»². Изначально же задачей корпуса считалось «...отвращение неприятеля в случае приближения к границам во оные не допустить и оборонительно им действовать»³.

Состоял корпус из шести полков — одного grenadierского и пяти мушкетерских. Каждый полк (не считая штаба и унтер-штаба) делился на четыре батальона, а батальон — на пять рот. В grenadierском полку все 20 рот были grenadierскими, в мушкетерских полках каждый батальон включал в себя одну grenadierскую и четыре мушкетерских роты. Штаты полков представлены в таблице. К сопровождению корпуса назначались шесть конных grenadierских рот (по одной на полк, для употребления «в разные посылки» или в конвой к генералитету), «тысячная» гусарская команда из Новой Сербии, инженерная и минерная команды.

В течение нескольких месяцев входящие в состав корпуса полки не имели названий. Только 9 февраля 1757 г. Шувалов приказал «... до воспоследования действительной аprobации, именовать grenadierский novoформирующегося корпуса Гренадерским полком, а прочие пять мушкетерских полков — по старшинству обретающегося при них генералитета, а именно состоящий в Москве Первым, в Калуге Вторым, в Туле Третьим, в Коломне Четвертым, в Серпухове Пятым»⁴. Первым

командиром формирующегося в Новгороде Гренадерского полка был подполковник Алексей Неведомский (позднее его сменил полковник князь Федор Щербатов). Командиры других полков являлись представителями генералитета. Первый мушкетерский полк возглавлял генерал-майор Петр Олиц, Второй — генерал-майор Георгий Меер (Меэр), Третий — генерал-майор Яков Фаст (Фасте), Четвертый — бригадир Фабиан фон Тизенгаузен (Фонтизенгаузен), Пятый — бригадир Симон (Семион) Гран.

Формирование полков — комплектование людьми, обеспечение вещами, строевое обучение — в целом завершилось к началу осени. В сентябре 1757 г. корпус насчитывал 27.646 нижних чинов. Из этого числа 15.896 человек были переведенными из других полков (189 прежде служили в армейской кавалерии, 6.458 в пехоте, 3.829 в гарнизоне, 5.420 в ландмилиции), а 11.750 — взяты из рекрут⁵.

Судьба корпуса сложилась воистину печально. В первом же большом сражении, при Цорндорфе (14 августа 1758 г.), корпус понес самые тяжелые потери из всех участвовавших в нем армейских частей. Имевшие в строю на день битвы 15.307 офицеров и нижних чинов Гренадерский, Первый, Третий, Четвертый и Пятый мушкетерские полки⁶ лишились убитыми, пропавшими без вести и ранеными 7.456 человек, то есть около 48% личного состава, при этом основные, фактически безвозвратные потери — 6.611 человек — приходятся на пропавших, убитых и тяжелораненых⁶. Год спустя, под Кунерсдорфом (1 августа 1759 г.), корпус вновь принял на себя основную тяжесть боя, оказавшись на позиции, куда была направлена главная атака пруссаков. В этом бою на долю корпуса приходится 57% всех (!) потерь армии убитыми (1.471 человек из 2.571), 30% пропавшими без вести (203 человека из 673), 42% тяжело- (3.388 человек из 8.042) и 23% легко ранеными (616 человек из 2.680). Всего корпус потерял 5.678 человек, что составляет 35,5% от 15.978 офицеров и нижних чинов, «действительно» (за вычетом больных и отлучных. — Авт.) находившихся при полках на 31 июля 1759 г.⁷

Битва при Кунерсдорфе стала для Обсервационного корпуса финальной точкой. В сентябре 1759 г. Конференция приняла решение расформировать его⁸. Поводом к тому объявлялось «умаление» корпуса и необходимость наполнения «упалых мест» в других полках, однако действительные причины были иные. Главными из них, наряду с упомянутым выше некомплектом, к началу 1759 г. достигавшим едва не трети от штатного состава⁹, являлись: громоздкая полковая структура, избыточное число артиллерии (как в отношении количества орудий, так и разнообразия их калибров и систем) и, наконец, множество нестандартных

* Второй полк не покидал России, играя роль депо для всего корпуса.

ШТАТЫ ПОЛКОВ ОБСЕРВАЦИОННОГО КОРПУСА

ЗВАНИЕ ЧИНОВ	ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК	МУШКЕТЕРСКИЙ ПОЛК
ШТАБ-ОФИЦЕРОВ		
полковник	1	1
подполковников	2	2
премьер-майоров	2	2
секунд-майоров	2	2
итого штаб-офицеров	7	7
РОТНЫХ ОФИЦЕРОВ		
капитанов	16*	16*
поручиков	40	20
подпоручиков	52	44
прапорщиков	8**	16
итого ротных офицеров	116	96
УНТЕР-ШТАБА		
полковой квартирмейстер	1	1
полковых адъютантов	3	3
полковой аудитор	1	1
полковых лекарей	2	2
попов	2	2
подлекарей	4	4
полковой писарь	1	1
комиссарский писарь	1	1
провиантский писарь	1	1
полковой барабанщик	1	1
итого унтер-штаба	17	17
РОТНЫХ ЧИНОВ		
сержантов	80	80
каптенармусов	40	40
подпрапорщиков	8	8
фурьеров	20	20
капралов	160	160
писарей	20	20
цирюльников	20	20
барабанщиков	80	80
флейтистов	40	8
гренадер строевых	3.840	768
гренадер нестроевых	300	48
мушкетер строевых	-	3.072
мушкетер нестроевых	-	144
канониров	40	40
гантлангеров	160	160
плотников	20	20
извозчиков к полковой упряжке	148	148
извозчиков к артиллерии	73	73
итого ротных чинов	5.049	4.909
НИЖНИХ ЧИНОВ		
флейтист иноземец (капельмейстер)	1	-
гобоист иноземец (капельмейстер)	-	1
гобоистов (музыкантов) русских	6	6
слесарь иноземец	1	1
слесарей русских	5	5
кузнец и коновал иноземец	1	1
кузнецов русских	9	9
ложных мастеров	4	4
полковой профос	1	1
ротных профосов	4	4
церковный дьячок	1	1
денщиков	161	141
итого нижних чинов	194	174
всех чинов в полку	5.383	5.203

* Командирами четырех рот вместо капитанов были майоры. Старший премьер-майор возглавлял 3-ю роту, младший — 14-ю, старший секунд-майор — 7-ю, младший — 10-ю.

** В Гренадерском полку прапорщики состояли при 1-й, 3-й, 7-й, 10-й, 11-й, 14-й, 17-й и 18-й ротах.

форменных и амуниченых вещей, непригодных к употреблению в других частях.

Разбор корпуса занял несколько месяцев. Лишь к июлю 1760 г. его люди и «прочие принадлежности» были «распределены» в «повеленные места»¹⁰. Офицеров, в основном, перевели в армейские полки, нижних чинов — в артиллерию и инженерный корпус, некоторую часть — в пехоту, причем взятых из ландмилиции по окончании войны предполагалось возвратить обратно, «дабы тем вся ландмилиция отягощена не была». Казна корпуса и парадные офицерские вещи поступили в ведение армейского Походного Комиссариата, знамена и фурьерские значки — в «артиллерийский арсенал». Полковая и полевая артиллерия корпуса была причислена к армейской полевой артиллерию; прочие полковые вещи, оружие и амуницию отдали «в артиллерию» и армейские полки¹¹. Последней наградой корпусу стал рескрипт Конференции от 7 октября 1759 г. о «полном произвождении» его чинов¹².

Значение Обсервационного корпуса в истории русской армии и Семилетней войны, на наш взгляд, невелико. Корпус не оправдал возлагавшихся на него надежд, оказавшись практически бесполезной и, к тому же, весьма дорогостоящей игрушкой своего создателя генерал-фельдцейхмейстера Шувалова. Несколько обычных пехотных и артиллерийских частей принесли бы армии гораздо больше пользы, чем этот структурный и униформенный курьез.

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

ФОРМЕННЫЕ и амуниченые вещи служащих Обсервационного корпуса, разработанные на основе армейских образцов, имели целый ряд оригинальных особенностей, заметно выделявших «корпусных солдат» из общей массы полевой пехоты. Мотивы, побудившие Шувалова к изобретательству, на первый взгляд были вполне логичны и, более того, традиционны для военных реформаторов той эпохи: «...новоформирующийся корпус всеми потребными вещами и полковыми тягостями снабдается смотря как лучшей способности при воинских действиях, так, паче, наблюдая казенный кошт от излишнего употребления»¹³. Однако реформатор реформатору рознь. Сделавший блестящую карьеру на военном поприще благодаря участию в возведении на престол Елизаветы Петровны, а в последующем близости к ней своего двоюродного брата Ивана, граф Петр Шувалов не имел ни реальных заслуг, ни боевого опыта, поэтому основная часть его придумок, в том числе и Обсервационный корпус, не выдержали проверки практикой. Впрочем, это тема для отдельного разговора, выходящего далеко за рамки настоящей работы...

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Шляпы

Строевые чины мушкетерских рот, а также полковые музыканты и состоящие при «корпусной артиллерии» кано-

ниры и гантлангеры носили шерстяные шляпы, в идеале одинаковые по «величине» и «доброте» во всех полках¹⁴. Последний параметр — доброта — был наиболее важен: шляпы, оказавшиеся «малым чим потолще иль потонее, то же и в полях побольше и поменее» представленных при заключении контракта образцов, надлежало принимать у подрядчиков без всяких отговорок¹⁵. Глубина шляпной тулы определялась в два вершка, ширина полей на всем их протяжении — в четыре. По краям полей была нашита белая гладкая нитяная тесьма шириной в полвершка (нередко ее называли «галуном» или «обшивкой»). Из той же тесьмы делался и бант, медную пуговицу для которого корпусным чинам следовало брать со своих старых «заслуженных» мундиров. Унтер-офицерские шляпы взамен тесьмы окладывались такой же ширины гладким золотым позументом, «равно» перегнутым на обе стороны полей. Дополнительным украшением шляпе служили две шерстяные кисти (они же «кордоны»), лежащие в боковых углах. Известно, например, что в Пятом полку их расцветка была черно-желтой¹⁶. Внутрь тулы ставилась белая холстинная подкладка. Срок службы шляпы составлял три года (вдвое больше, чем в обычных армейских полках); по прошествии полутора лет отпускались деньги на ее «подчернение» и новую обшивку¹⁷.

Гренадерские шапки

Строевым чинам гренадерских рот, а в Гренадерском полку также всем штаб-офицерам, полковому квартирмейстеру и адъютантам, в качестве парадного головного убора были присвоены шапки из черной «хорошей» яловичной кожи, подобные тем, что носились в других армейских полках. Самая толстая и крепкая кожа шла на тулю, более тонкая и мягкая — на вертикально стоящий передний козырь, нередко называвшийся просто «гербом», и почти горизонтально лежащий задник. Для придания коже необходимой жесткости, она натиралась воском и прокаливалась¹⁸. С изнанки передний козырь и задник были подбиты красной юфтовой кожей. Вдоль нижнего края тулы, по ее внешней стороне, пришивалась кожаная полоса, именуемая «оторочек»; деталь эту заворачивали внутрь тулы, а затем крепили к ней шапочную подкладку. Первоначально на изготовление оторочек предполагалось употребить черную юфть¹⁹, однако в апреле 1757 г. Шувалов приказал «...те оторочки делать смазные, почему уже в вышеписанных козловых кожах никакой надобности не будет, а деланы быть имеют оные из белых кож, остающихся от кройки шапок»²⁰. Внутрь шапки ставилась белая крашенинная подкладка, именуемая «тульей»²¹. У офицерских шапок эти тулы набивались хлопчатой бумагой, а у штаб-офицерских, в дополнение к набивке, крашенину заменяла тафта (что и говорить, снаружи это «штабское» отличие было не слишком заметно)²².

Прибор из «светлой» латунной меди включал «герб», крепившийся на переднем козыре и «гранату» на задней части тулы²³. Обе детали пришивались медной проволокой. У офицеров весь прибор был «чеканной работы» и позолоченный; для нижних чинов гербы сделали «не чеканные, но токмо выбивные в форму»²⁴, а гранаты — «отливные», с

вычеканенным императорским вензелем²⁵. Офицерские шапки «вокруг» и «по краям» украшались золотым шитьем в виде «фигурок» или (что, пожалуй, звучит точнее) «травок», причем на шапках штаб-офицеров это шитье было несколько богаче²⁶.

На верх шапки «вместо нера» ставилась кисть, у нижних чинов белая нитяная, у офицеров — серебряная, «с битными и канительными фигурами» (образцовая кисть сделанная в феврале 1757 г., весила 16 лотов)²⁷. «Рядовая» кисть «утвержалась» на жестянной «поддонок» с деревянным стержнем; офицерская также имела жестянную «подделку» и деревяшку (стержень) с крючком из проволоки²⁸. В марте 1757 г. Шувалов приказал офицерам не носить кистей во время похода (нижних чинов, что было оговорено специально, это распоряжение не касалось)²⁹. На походе офицеры закрывали свои шапки вощеными чехлами³⁰. Упоминаний об изготовлении вощеных чехлов нижним чинам в документах не встречается.

Из «мелочных припасов» на дело шапок требовалась сажа, воск, гарпиус, мездринный клей, пшеничная мука для изготовления клейстера, тонкая пряжа для «такки», верви, суровые нитки, вар, щетина³¹.

Несмотря на все старания, grenадерские шапки были готовы едва ли не позже всех прочих форменных и амуничных вещей. Так, Гренадерский полк получил шапки и медные бляхи к лядункам только в январе 1758 г.³², причем по свидетельству офицеров на 480 шапках гербы явились «... гораздо тонки, которые положенного на них восьмилетнего срока выслужить не могут»³³. Следующая большая (и, видимо, последняя) партия новых шапок — 5 офицерских и 600 « рядовых », — взамен утерянных в ходе кампаний 1758 и 1759 гг., была изготовлена московским купцом Василием Кункиным в период с 25 октября по 18 ноября 1759 г.³⁴

Гренадерские колпаки

Для повседневного ношения grenадеры имели колпаки, сделанные из материалов, остающихся при постройке обмундирования*. Согласно счету об изготовлении образцовых вещей, на один «grenaderский колпак» пошло: четверть аршина «сукна зеленого и красного пополам», четверть аршина каразеи «на полы», один аршин холста и ниток на полторы копейки³⁵. Образцовый grenадерский колпак, данный поручику Первого мушкетерского полка Аврааму Лопухину в марте 1757 г., имел «откоску» с кистью наверху³⁶.

Несмотря на наличие образца, изготовленные в полках колпаки несколько разнились между собой. Было подсчитано, что на каждый колпак требуется четыре вершка зеленого сукна «на длинный вершок» (верхнюю часть. — Авт.), три вершка красного сукна «на окольши»³⁷ и 11 верш-

* С появлением кожаных шапок grenадеры стали использовать подобные колпаки повсеместно. В число табельных вещей они не входили, поэтому их внешний вид разнился от полка к полку. Порой это было весьма кстати. Так, когда в августе 1757 расследовалось дело о драке между студентами Московского университета и некими grenадерами, во время которой один ученик был убит, а у другого сломана рука, участвовавший в оппозиции студент, осматривая grenадер Первого мушкетерского полка Обсервационного корпуса, объявил, что у избивавших его grenадер «... колпаки не таким маниром, как в Первом мушкетерском полку на grenadерах имеются». РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.75. Д.35. Л.2-3.

ков подкладочного холста, однако в Гренадерском полку колпаки подшили оставшейся от постройки мундиров красной крашениной³⁸, а Первый мушкетерский полк в мае 1757 г. требовал от Комиссариата на каждый колпак по семь вершков красного сукна и по одному аршину синей крашенины на подбой³⁹. Кисти (а также, возможно, шнур или тесьма) к колпакам покупались нижними чинами из собственного жалованья.

Аналогичные колпаки были у grenадерских офицеров. В конце апреля 1757 г. Шувалов приказал им «за тем, что еще grenaderские шапки не изготовлены», сделать себе «для будущих парадов» колпаки «... наподобие тех, каковые и у нижних чинов будут, но чтоб против солдатских оные отмену имели, в таком случае шить их из тонких сукон и положить на пристойных местах золотой позумент и с золотою же небольшою кистью... наблюдая примот только того, чтоб как сукно в цветах, так и позумент у одного против другого разности не имели»⁴⁰. Во Втором мушкетерском полку офицерские колпаки (очевидно, за счет количества израсходованного позумента) различались по чинам: капитанские стоили по 6 рублей 86 копеек, поручицкие и подпоручицкие — по 4 рубля 70 $\frac{3}{4}$ копеек⁴¹. В сентябре 1758 г., взамен утраченных в сражении при Цорндорфе кожаных шапок, и офицерам, и нижним чинам было разрешено «употреблять» колпаки постоянно⁴².

Карпузы нестроевых чинов

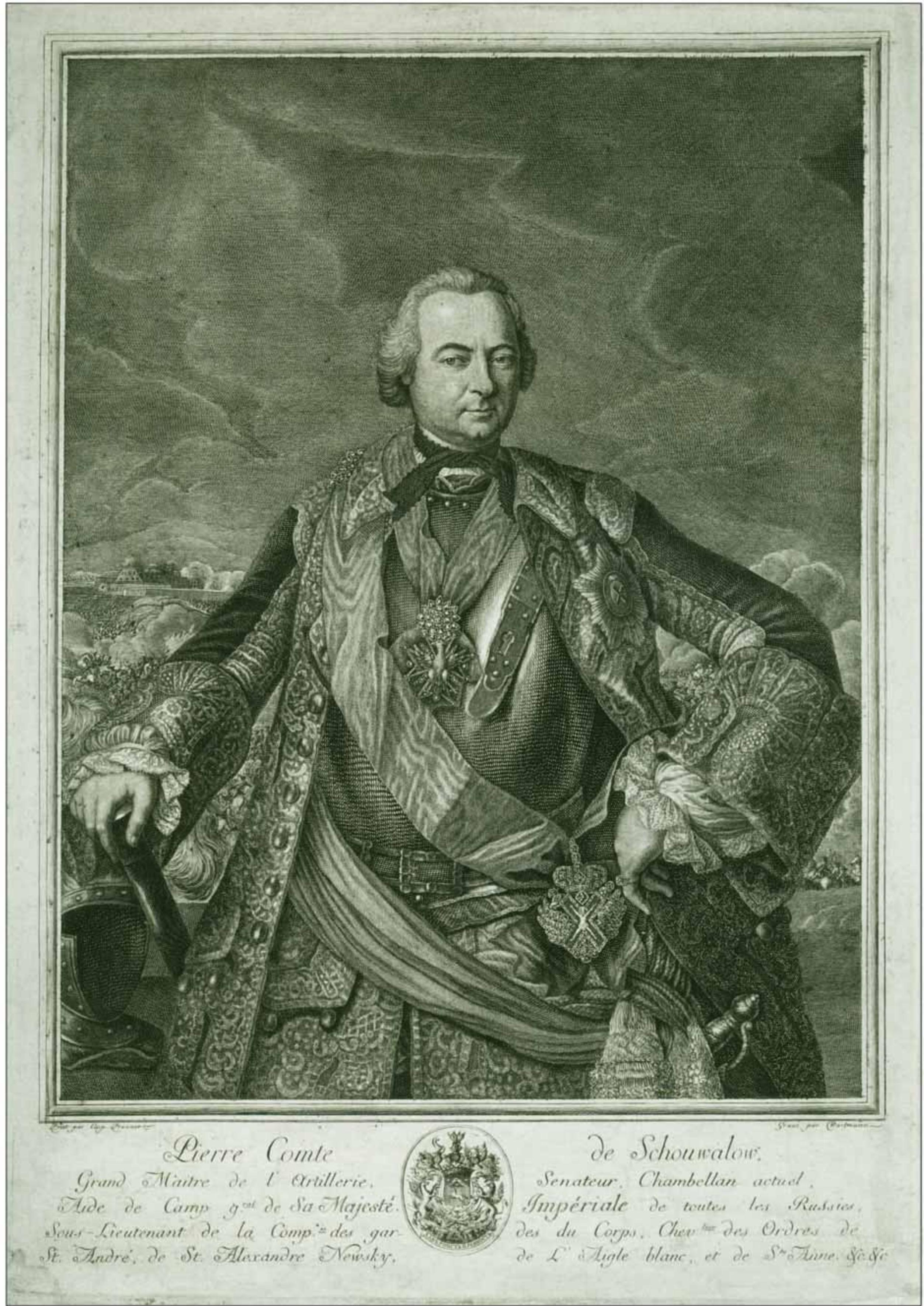
Писари, цирюльники, плотники, русские слесари и кузнецы, ложные мастера, полковые профосы, дьячки, «безоружные» grenaderы и мушкетеры, относившиеся к категории заротных (нестроевых) чинов, имели такое же обмундирование, как у строевых, отличаясь только головными уборами. В Гренадерском полку и grenaderских ротах мушкетерских полков все вышеперечисленные носили колпаки (видимо, такого же покрова, как у строевых grenader), а в мушкетерских полках — карпузы. На те и другие согласно штату отпускалось по семь вершков зеленого сукна и по пять копеек «на приклад и от шитья», однако в Гренадерском полку для нестроевых были сделаны колпаки из сукон зеленого и красного цветов⁴³.

ПРИЧЕСКИ

Прически корпусных чинов были регламентированы не менее подробно, чем форменные и амуничные вещи. Еще в ноябре 1756 г. Шувалов велел принятым в корпус рекрутам «... усов и к ушам от бороды волосы не выбивать, также и висков, а вместо бритья половины головы выбивать алаверджеты* одни, и велеть им потом отращивать»⁴⁴.

В ордере командиру Первого полка генерал-майору Петру Олицу от 6 марта 1757 г. говорилось: «...Унтер-офицерам, капралам и рядовым кос вперед до резолюции не иметь, а для присмотру, каким маниром волосы стричь и убирать надлежит, прислати нарочных знающих парикмахерству из

** Алавержет, вержет, лавержет (от франц. à la vergette), — волосы на передней части головы.

Pierre Comte
Grand Maître de l'Artillerie,
Aide de Camp gst de Sa Majesté,
Sous-Lieutenant de la Comp^e des gar-
de St. André, de St. Alexandre Newsky,

de Schouwalow
Senateur, Chambellan actuel,
Impériale de toutes les Russies,
des du Corps, Chev^{re} des Ordres de
de L' Aigle blanc, et de St. Anne, &c. &c.

Портрет генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Шувалова. 1760 г.
Гравюра В.Х. Альберта с живописного оригинала К.Г. Преннера 1755–1756 гг. (ГИМ)

полковых служителей или и[з] унтер-офицеров сюда. Также у всех полковых служителей бриты б были только самые бороды и нижние части оной, а по щекам и усов не брить, но всё то впредь до предложеия запускать, яко же от меня о том особливое наставление дано быть имеет. Однако ежели у кого оные запущаяся от бород волосы гораздо вырастут, то чтоб оные по щекам не висели, подравнивать»⁴⁵.

Однако подробнее всего прически описывались в инструкциях, данных полковым командирам. Так, в инструкции полковнику Гренадерского полка было сказано следующее: «... А как для новоформирующегося корпуса пудры не положено, следовательно и завивания висков в пучки за нужное к солдатской службе не признавается, то чтоб оные притом распущены не были и беспорядочно б не висели при урежении вержетов, и оные в вержет же выстригать с таким притом наблюдением, дабы всего вержета и с пристриженными во оный висками волосы лежали немного назад, а не наперед или иначе, также оные вержеты стрижены б были не менее, как в палец толщины. Назади ж завязывать волосы пучком, длиною от головы чтоб был пучок завязан против воротника кафтанного, и привязывать на пучках черные круглые маленькие банты из шерстяных или шелковых лент, величиною не больше рублевика, чему в каждой роте обучить фельдшеров и всех ефрейторов. Но сие, что до неупотребления кос касается, положено единственно только на такие места, когда помянутый полк в резиденции (Санкт-Петербург. — Авт.) не будет, а если оный по случаю сюда взят будет, в таком случае всем чинам, как и в прочих полевых полках чинится, оные иметь»⁴⁶. Ленты в косы нижние чины покупали на собственные деньги⁴⁷.

Одними словесными описаниями дело не ограничивалось. В мае 1757 г. при ордерах из походной канцелярии Шувалова по полкам были разосланы образцовые рисунки гренадерских усов и вырезанные из кожи образцовые усы для мушкетеров⁴⁸. В ответ на этот ордер командир Второго полка генерал-майор Георгий Меер рапортовал: «... понеже за неимением у многих гранодер усов и на щеках бород натуральных, сделаны в полку ведомства моего (в сходность о имении усов прежних ордеров) усы из волос дрессованные, из которых уже на две гранодерские роты полное число и в отделке имеются. А яко оные против ныне присланного рисунку несколько отменны, то для того и отправил присем из тех сделанных усов двое, одни погуще или пошире, а другие поуже, да и третьи (для таких же чинов, у которых натуральных усов нет), сделав против нынешнего рисунку, на высокое рассмотрение вашего высокографского сиятельства, с приношением притом моего нижайшего мнения, что те усы, у которых проволока за уши закладывается, людям весьма свободнее и тверже держатся, нежели те, от которых в роту проволоку держат. По высокой же и милостивой вашего высокографского сиятельства оных усов апробации, всепокорнейше прошу о повелении: тель прежде сделанные усы так оставить и на прочие две роты доделать, или повелено будет переделать так, как оные третьи усы против рисунку сделанные посланы?»⁴⁹. Рассмотрев полученные образцы, Шувалов велел гренадерам во всех полках делать усы против первого из них, «кои гуще и шире», а мушкетерам — против второго, «малые»⁵⁰. В начале июня еще одни образцовые усы посылаются стоящему в лагере под Цар-

ским Селом первому батальону Гренадерского полка, приведенному в столицу для смотра. Вместе с образцом, на изготовление должного вида усов были отправлены одна медведина, 14½ аршин черной крашенины на подкладку, 6 мотков черных ниток и 5½ фунтов немецкой проволоки⁵¹.

МУНДИРНЫЕ ВЕЩИ

Целиком обмундировать весь тридцатитысячный корпус предполагалось уже к середине апреля 1757 г., чтобы полки могли выступить в лагерь; чуть больше времени — до 18 мая — было отведено на заготовление остальных «потребных» вещей⁵². Подобная скорость неминуемо вынуждала уменьшить требования, обычно предъявляемые к поставщикам. Так, сукна на мундир принимались не обращая внимание «по нынешней в том необходимой надобности» на строгое соответствие в цветах, лишь бы не допустить «великой пестроты» в одном полку⁵³, однако при назначенному сроке даже такие условия были заведомо невыполнимы. При приеме сукон от английских купцов выясняется, что зеленые и красные «... против образцов доброю не токмо сходны, но некоторые и свыше, а цветами никакого сходства не имеют: первые темнее и несколько имеют крапивный цвет, вторые светлые, так, что и между собою великую делают разноту, и не токмо чтоб на такой великий полк, но ниже по-батальонно сходного цветом прибрать не уповательно»⁵⁴. В остальном заготовление мундирных «припасов» производилось по обычной схеме: «... и оные сукна принимать против имеющихся в Комиссариате образцов во всём сходные, в указанную широту в один аршин и 14 вершков, каразеи — во 1-н аршин 3 вершка, подкладочный холст — в 10 вер[шков]; кои ж ширину хотя и меньше будут, да против образцов доброю сходные, то принимать же, наверстывая мерою со излишеством, по исчислению квадратных дробных вершков, а несходных за худобою против образцов или чем поврежденных отнюдь не принимать»⁵⁵.

Мундирные вещи в Обсервационном корпусе имели точно такие же сроки службы, как в других армейских полках: кафтаны и камзолы — три года, штаны — полтора, епанчи — четыре⁵⁶. Несмотря на то, что первый мундир для корпусных чинов был изготовлен в период с февраля по май 1757 г., срок ему Шувалов приказал считать несколькими месяцами раньше — с 1-го января⁵⁷. Все вещи строились по мере каждого конкретного человека⁵⁸.

Зеленого сукна кафтан делался несколько короче, чем в обычных армейских полках⁵⁹, и не имел ни складок в полах, скроенных у него «наподобие волана», ни воротника с обшлагами, «... ибо оные воротники и обшлага должны пришить быть к камзолам, чтоб в летнее время при обучении экзерциции можно было для полегчения солдатству употреблять одни те камзолы без кафтанов, а когда с кафтанами надевать будут, то оные воротники и обшлага заворачивать на кафтаны»⁶⁰. Спина подшивалась красной крашениной, рукава и карманы — холстом, «под полами и кругом внизу» — красной каразеей. Медных пуговиц на такой кафтан выходило два портища (24 штуки): «... по одной стороне сверху до пояса десять, на карманах по три, на фалдах и на лифе по три, да для пристегивания обшлагов на загибы у

рукавов... по одной»⁶¹. Пуговичные петли обшивались сукном (цвет его не указан)⁶².

Красный суконный камзол имел красные же воротник и общага, которые, как уже было сказано выше, отворачивались поверх кафтана при надевании последнего, а с изнанки подшивался холстом. Воротник и общага для придания им большей твердости «подпушивались» зеленым сукном, остающимся от постройки кафтанов. Пуговиц на камзоле было столько же, как и на кафтане – 24 штуки, но меньшей величины. Из-за небольшого размера патронного подсумка, карман на правой поле следовало делать «...гораздо более настоящих – чтобы излишние патроны, сверх имеющихся в подсумках 12, во время экзерции могли всегда нижние цины класть в те карманы» (левый карман для ношения патронов не годился очевидно потому, что был прикрыт портупейной лопастью)⁶³.

Из всех мундирных вещей Обсервационного корпуса не имели оригинальных особенностей в покрое только штаны. Строились они из красного сукна, «обыкновенной меры, по препорции человеческого росту, за колено, с подкладкою холстинною»⁶⁴.

Подробнее всего в реестре образцовых вещей, разосланном по полкам в феврале 1757 г., были описаны епанчи. «...Плащ василькового сукна сделанный круглый, без рукавов, против обыкновенных солдатских плащей. К нему вшиты в бока другие короткие полы от плеч до поясу, чтобы могли только подходить под портупейный ремень и подсумок, с прорезными для застегивания тех пол на одной стороне петлями, а на другом обшиты[ми] сукном пуговицами. Подкладка в плечах и под полками и под большими полами каразейная красная. У оной же [епанчи] сделан воротник широкий отгибной, с подкладкою крашенинною, который отворотя, вздевается под шляпу или шапку на голову; на том воротнике суконная пришитая петля со обшивкою суконною пуговицею... Ежели ж у полковых служителей имеются от прежних мундиров медные пуговицы, и они пожелают из оных на застегивание под плащами полок, также и к воротнику вместо ныне имеющихся суконных употребить, в таком случае оные медные пуговицы и нашить, но притом наблюдать, чтоб во всём полку, а не у некоторых полковых служителей, однотаково с медными, или, по неимению их у солдатства, суконными те плащи были»⁶⁵. Добавить к этому описанию можно лишь то, что крашенина на подкладку воротников полагалась синего цвета⁶⁶. На походе свернутую епанчу носили одной через правое плечо, стянув ее концы черным яловичным ремнем с полированной железной пряжкой⁶⁷. В ноябре 1758 г. «для самой крайней надобности» Обсервационный корпус получил от Комиссариата 1.500 обычных епанеч, изготовленных для пехотных полков⁶⁸.

Во время кампаний вещи, что в общем не удивительно, изнашивались гораздо раньше определенных им сроков. В октябре 1758 г. из-за недостатка синего сукна, Конференция при высочайшем дворе специальным рескриптом разрешила заготовить для Обсервационного корпуса новые епанчи из сукон зеленого, красного или какого-либо другого цвета, распределив их по разным ротам⁶⁹. Помогла эта мера, впрочем, не сильно: к марта 1759 г. епанчи, построенные «из покупного в Пруссии синего и белого сукна» оказались настолько ветхи, что не смогли бы «выслужить» даже одну

предстоящую кампанию⁷⁰. Ситуация с другими мундирными вещами была не лучше. К примеру, во Втором мушкетерском полку в конце 1758 г., чтобы не оставить людей раздетыми в буквальном смысле этого слова, пришлось сделать из серого сермяжного сукна одежду не только для извозчиков, но и для 920 строевых чинов (последний раз такое случалось, кажется, во времена Северной войны). На кафтан и карпуз для каждого извозчика этого материала выходило по 9 аршин, на кафтаны «полковых служителей» – от 9 аршин ровно до 8 аршин 12 вершков, в зависимости от роста человека⁷¹.

«Нижний» или же «годовой мундир» согласно штату включал черный волосянной галстук, застегивающийся медной пряжкой (последняя к годовым вещам, естественно, не относилась), две исподних рубашки, две манишки, одни белые полотняные штаны, три пары штиблеть-манжет, две пары белых шерстяных чулок и пару сапог⁷².

Все вещи из холста (полотна) обобщенно именовались «бельем»⁷³. Рубашки надлежало строить из «ровного» полотна; манишки, а также не положенные по штату, но повсеместно носимые манжеты (еще их называли «нарукавниками») – из «тонкого»⁷⁴. Рубашечная обшивка, чтобы не выбиваться из-под галстука, около шеи стягивалась шнурком⁷⁵.

Из обуви корпусным чинам были положены смазные тупоносые сапоги с «долгими» голенищами, подвязывающимися под коленями. Лишь Гренадерскому полку, который в апреле 1757 г. предполагалось взять в Петербург для смотра, чтобы тот «не имел отмены» против других войск, приказали завести башмаки и сопутствующие им штиблеты (по тому же случаю всем строевым чинам было велено сделать и «обыкновенные», то есть такие же, как в прочих пехотных полках, косы)⁷⁶. Кроились сапоги из белой яловичной кожи. Ординарный «товар» шел на голенища и подошвы, более толстая кожа требовалась на закаблучья и накладки «сверх подборов», а на каблуки, как правило, хватало кожаных обрезков, остающихся от других деталей. Сделанные в начале 1757 г. образцовые сапоги большой и средней «рук» (размеров) имели голенища высотой 15 вершков, меньшей руки – 14½; у образцовых сапог, спищих в ноябре 1757 г., высота голенищ равнялась, соответственно, 15½ и 14¼ вершкам⁷⁷. Готовые сапоги чернили смесью из сала, воска и голландской сажи⁷⁸. Капралам иunter-офицерам вменялось в обязанность смотреть, чтобы у рядовых сапоги были «...хорошо...натянуты и в препорцию подвязаны, и надлежащим образом смазываны, ибо они без мази белы кажутся и скоро портиться могут»⁷⁹. Носить сапоги с высокими голенищами и зимой, и летом оказалось неудобно, поэтому начиная с 1759 г. корпус получал такую же обувь, как другие армейские полки – круглоносые сапоги и смазные башмаки на низких каблуках⁸⁰. Вместе с башмаками на ноги надевались черные штиблеты⁸¹.

Зимой мундир дополняли овчинный полушибок и рукавицы. Для часовых строились шубы из полковых средств. В Пятом полку к концу 1757 г. было 25 шуб, покрытых синим сукном⁸²; Второй полк в конце 1758 г. сделал для часовых 52 нагольные овчинные шубы⁸³.

Унтер-офицеры, капралы и приравненные к последним ротные писари окладывали мундир гладким золотым «мушкетерским» позументом шириной в полвершка⁸⁴. На воротнике

**РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ОБМУНДИРОВАНИЕ
НИЖНИХ СТРОЕВЫХ И НЕСТРОЕВЫХ ЧИНОВ ОБСЕРВАЦИОННОГО КОРПУСА**

шляпа (срок службы – три года)	
белого нитяного галуна на обшивку	- 2½ аршина
такого же галуна на бант ⁹⁵	- 12 вершков
медная пуговица от старого мундира	- 1 штука
шнур с двумя кистями (кордон)	- 1 штука
ГРЕНАДЕРСКИЙ КОЛПАК (СРОК СЛУЖБЫ – ТРИ ГОДА)	
зеленого сукна	- 4 вершка
красного сукна	- 3 вершка
холста	- 11 вершков
кисть	- 1 штука
КОЛПАКИ И КАРПУЗЫ НЕСТРОЕВЫХ (СРОК СЛУЖБЫ – ТРИ ГОДА)	
зеленого сукна	- 7 вершков
КАФТАН (СРОК СЛУЖБЫ – ТРИ ГОДА)	
зеленого сукна	- 3 аршина
красной каразеи	- 3 аршина 1½ вершков
красной крашенины	- 1 аршин 2 вершка
холста	- 2½ аршина
медных кафтаных пуговиц	- 2 портища (24 штуки)
КАМЗОЛ (СРОК СЛУЖБЫ – ТРИ ГОДА)	
красного сукна	- 2½ аршина
красного же сукна на воротник и обшлага	- 5 вершков
холста	- 7½ аршин
медных камзольных пуговиц	- 2 портища (24 штуки)
ШТАНЫ (СРОК СЛУЖБЫ – ПОЛТОРА ГОДА)	
красного сукна	- 1 аршин
холста	- 3¼ аршина
ПЛАЩ (СРОК СЛУЖБЫ – ЧЕТЫРЕ ГОДА)	
vasилькового сукна	- 4 аршина 15 вершков
красной каразеи	- 2 аршина 2 вершка
синей крашенины	- 1 аршин 6 вершков
пуговиц обшивных или от старого мундира	- произвольное число (?)
черный яловичный ремень с железной пряжкой	- 1 штука
ОБУВЬ (СРОК СЛУЖБЫ – ОДИН ГОД)	
смазные тупоносые сапоги	- 1 пара
НИЖНИЙ МУНДИР (СРОК СЛУЖБЫ – ОДИН ГОД)	
черный волосянной галстук с медной пряжкой	- 1 штука
исподних рубашек из ровного полотна	- 2 штуки
манишек из тонкого полотна	- 2 штуки
полотняные штаны	- 1 штука
штибель-манжет	- 3 пары
белых шерстяных чулок	- 2 пары

**РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ОБМУНДИРОВАНИЕ
ПОГОНЩИКОВ ПРИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЛОШАДЯХ**

НА ТРИ ГОДА	
синего сукна на карпуз с отворотами, сюртук с воротником и обшлагами	- 3 аршина 1½ вершка
синей крашенины на подкладку сюртука и карпзуа	- 5½ аршин
белой каламенки на двое камзолов и штанов	- 12 аршин
холста «на весь мундир»	- 26½ аршин
кафтаных пуговиц на сюртук	- 1½ портища (18 штук)
камзольных пуговиц: на карпуз – 3 штуки, на два камзола – 3 портища (36 штук), на двое штанов – 1½ портища (18 штук)	- 4¾ портищ (57 штук)
НА ОДИН ГОД	
сапоги	- 1 пара

он нашивался в один ряд, на обшлагах — в зависимости от чина: «...сержантам в три, а капитенармусам, подпрапорщикам и фурьерам в два ряда (как обыкновенно доныне и в прочих армейских полках то чинится)... капралам же на одном только воротнике, [а] на обшлагах не иметь»⁸⁵. На унтер-офицерских шляпах такой же позумент был нашит «равно» перегибаясь на обе стороны полей⁸⁶. Унтер-офицеры Второго мушкетерского полка по собственному желанию заказали себе парадные шерстяные шляпы стоимостью по одному рублю за штуку⁸⁷.

Мундиры полковых и ротных музыкантов имели расшивку из треса^{*} или же галуна, образец которого выбирал полковой командир⁸⁸. Согласно штату, на кафтаны капельмейстеров и музыкантов (гобоистов) полагалось по 50 аршин шерстяного галуна; на кафтаны флейтистов, полковых и ротных барабанщиков — по 20⁸⁹. Конкретных подробностей, увы, немного. Так, Пятым полком в 1757 г. галун был сделан «в сходство с кордонами черный с желтым», шелковый для гобоистов и гарусный для барабанщиков и флейтистов⁹⁰, а в июле 1759 г. Шувалов велел подрядить в Москве галуны на все полки корпуса, «...чтоб оные были двух цветов, добротою и широтою, также и на обе стороны», против желтого образца (то есть, видимо, одинаковые всем полкам)⁹¹. В Гренадерском полку мундиры музыкантов и барабанщиков, похоже, украшались не только тесьмой, но и кистями: в сентябре 1758 г., после сражения при Цорндорфе, наряду с прочими вещами полк отправил в Мариенвердер 300 аршин «барабаничего» галуна и 110 аршин «шерстяного шнуру разных цветов на кисти»⁹².

Извозчики и ротные профосы носили сермяжные кафтаны «со украшением обшлажков из остаточного мундирного сукна», шубы, шапки, рукавицы, козлиные штаны, рубашки, кожаные галстуки, чулки и сапоги. Какой именно мундир должны иметь денщики — не оговаривалось. В штате было сказано только то, что как и прочим чинам, делать его следует на деньги, вычитаемые из жалованья. Впрочем, офицеры могли и сами покупать находящимся при них денщикам одежду⁹³.

Погонщики, состоящие при артиллерийских лошадях, носили синие суконные карпузы с «воротниками» (отворотами), синие же сюртуки с воротниками и обшлагами (те и другие подкладывались синей крашениной), каламенковые камзолы и штаны, круглоносые сапоги⁹⁴.

Раскладка вещей и материалов на постройку обмундирования для нижних строевых и нестроевых чинов корпуса представлена в таблице.

ОРУЖИЕ И АМУНИЦИЯ

Ружья и подсумки

Огнестрельным оружием гренадерских сержантов и капитенармусов, «всех рот» фурьеров, капралов, строевых

grenadierов и мушкетеров были фузеи с железным прибором⁹⁵. Полный комплект ружей «нового манира» сразу получил только Гренадерский полк⁹⁶, остальные полки первое время использовали старые солдатские и драгунские ружья с «отнятыми» погонными скобами (на май 1757 г. в корпусе состояло без малого десять тысяч старых солдатских и свыше четырех с половиной тысяч драгунских фузей)⁹⁷. В дальнейшем полки постепенно обеспечивались «новоманерными» ружьями в порядке старшинства, начиная с Первого. Так, одна из крупных партий нового оружия — 1.000 тесаков для Гренадерского полка, 7.000 тесаков для Третьего, Четвертого и Пятого мушкетерских полков, а также 6.088 фузей — была отправлена к полкам в январе 1758 г.⁹⁸

Подробностей о внешнем виде нового образца фузей в делах Обсервационного корпуса не слишком много. Известно, например, что железный шомпол имел стальной навар на том конце, где привертывались пыжовник и трещотка, а штыки с ножнами и пружинными защелками были сделаны по прежним армейским образцам: «...трубки и шейки самого мягкого железа, да от шейки на вершок кверху тоже железо, а от того места вверх сталь, и оную калить так, как шпажные клинки калятся»⁹⁹.

Контракт на поставку полного комплекта «цищеных» ружейных ремней — 4.140 красных для Гренадерского полка и по 4.044 черных для каждого из мушкетерских — получил санкт-петербургский купец Михаил Терентьев. Все ремни были шириной в $\frac{3}{4}$ вершка, вырезанные из плотной яловичной кожи, «деланной с ворваным салом, а не дегтем, кроме красных»¹⁰⁰. Взамен железных пряжек, к ремням отпускалось по одной медной пуговице¹⁰¹. На походе замок ружья закрывался полунаагалищем черной яловичной кожи.

Вместо патронных сум, имеющие ружья нижние чины Обсервационного корпуса получили носимые на поясной портупее подсумки (они же лядунки) на 12 патронов. Основу лядунки составляла сделанная «с выгибом» для лучшего прилегания к телу деревянная колодка. Гнезда в ней надлежало вытачивать точно по калибру патронов, не уже и не шире, так как в первом случае патроны просто не входили в свои места, а во втором деформировались: «...когда патрон в широком гнезде будет сидеть, то в нем патрон биться и от того порох вниз угнетаться может, а напоследок до того дойдет, что патрон сделается толще и в дуло не пойдет»¹⁰². При работе над колодкой также следовало иметь в виду, чтобы дерево было сухим, а готовая вещь выходила ни излишне тонкой, чтобы не ломаться, ни излишне толстой, чтобы не иметь избыточного объема и веса. Из кожаного товара выкраивались «кошельки... около колодок», «крышки», «косынки» и «ремешки»¹⁰³.

Посланная в Комиссариат образцова лядунка имела весьма детальное описание: «...ладунка солдатская с колодкою деревянною на 12 патронов, длиною по поясу в полшелста (пять с половиной. — Авт.) вершка, шириню в два вершка, толщиною невступно в полвершка, обшита кожею черною, с закрышикою той же кожи, которая длины в 7-м вершков с половиной, широты без четверти в 3 вершка, без всякого другого прибору, которую крышку сверх приклейки, чтоб оная прочная была, к той лядунке пришивать в длину по

* Трес, тресна (архаичн.) — тесьма, галун. Слово, производное от франц. tresse. Мог делаться как из цветной шерсти или шелка, так и из золотых или серебреных нитей.

** Галун на обе стороны — галун с цветными или металлическими нитями по обеим сторонам своей основы, что позволяло в случае необходимости «переворачивать» его, то есть спарывать, а затем пришивать наружу другой стороной.

В апреле 1760 г. большую часть знамен расформированного корпуса отправили в Санкт-Петербург, где они и находились по крайней мере до начала XX века. Изданые в 1903 г. «Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам... и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее...» показывают наличие 38 знамен из некогда сделанных 48. Для полного комплекта тогда не хватало одного белого знамени (скорее всего, принадлежавшего Второму мушкетерскому полку), четырех цветных знамен Второго полка, двух знамен Гренадерского, двух знамен Третьего и одного знамени Первого полков. Из тех же «Описей...» можно узнать, что облака, на которых размещался орел и воинская арматура, были «золотыми» (здесь наша реконструкция, к сожалению, оказалась не верна); Второй полк имел флаги голубого цвета, Четвертый — красного (со временем он выцвел в малиновый), Пятый — белого, а знамена Гренадерского полка отличались от мушкетерских не только расцветкой, но также изображением трех гранаток на облаках. Размеры знаменных полотнищ немного разняются от полка к полку (от 4 футов 4½ дюймов до 4 футов 8½ дюймов в ширину и от 5 футов 2½ дюймов до 5 футов 7¼ дюймов в длину); «копья» (протики) были «плоские», как медные, так и железные, с остатками позолоты на тех и других, и самых разнообразных очертаний — ланцетовидные, стреловидные, сердцевидные, в виде удлиненного ромба, имелось даже одно «отчасти похожее на Георгиевский крест» и одно копье с вырезанным двуглавым орлом.

Знамя Мушкетерского полка Обсервационного Корпуса,
1757 года.

Рисунок знамени мушкетерского полка Обсервационного корпуса
«Историческое описание одежды и вооружения Российских войск...». Ч.3. СПб., 1899. Рис. № 377

Стр. 13. Первое (белое) знамя полков Обсервационного корпуса; цветные знамена Гренадерского, Первого, Второго, Третьего, Четвертого и Пятого мушкетерских полков. Офицерские знаки (слева направо, сверху вниз): прапорщиков, адъютантов и подпоручиков, квартирмейстеров и поручиков, капитанов, майоров, подполковников, подполковников. Мушкетер Пятого полка в летней форме, 1757 г. Чиновые отличия: а) капралов, б) каптенармусов, подпрапорщиков и фурьеров, в) сержантов. Профили офицерского мундира, кафана и камзола нижних чинов. Епанча.

Рисунок по реконструкции автора выполнил Павел Алехин

А.М.

самой той пришивке, к которой та крышка пришита, а снизу на коже пришиты два ремня юфтовой кожи, длины от пришивок два вершка, широтою без получетверти в вершок, которыми оная вздевана быть имеет на портупею тесачную с правой стороны»¹⁰⁵. Гренадерский полк в сентябре 1757 г. получил к подсумкам первую партию из 2.000 медных «выбивных» блях¹⁰⁶.

Для литья пуль в каждом батальоне состояли чугунный котел с уполовником, две железных фузейных (пулечных) и две картечных формы; пистолетных форм полагалось две на весь полк. Имеющийся в Комиссариате образцовый чугунный мерою в полведра (шесть литров) весил 17 фунтов (около семи килограмм)¹⁰⁷.

Тесаки и портупеи

Взамен обычных шпаг, унтер-офицеры, капралы, писари, барабанщики, флейтищики, цирюльники, строевые grenaderы и мушкетеры, канониры, гантлангеры, музыканты, русские мастеровые, полковые профосы и дьячки вооружались «малыми» или же «легкими» тесаками «наподобие кортика». Клинки у этих тесаков были кованые, точеные и полированные; эфесы — «черные деревянные», со «сквозными гайками»; ножны — из черной яловичной кожи, с костыльком (крючком), верхней и нижней бляхами полированного железа¹⁰⁸.

Несмотря на «все способы и старания» скорее изготовить новые тесаки, дело шло довольно медленно. 21 июля 1757 г. Шувалов приказал в качестве временной меры «укомплектовать» Третий, Четвертый и Пятый полки обыкновенными солдатскими шпагами, «...а имеющиеся во оных Третьем, Четвертом и Пятом полках нового образца тесаки, оставя из них по недостатку оных с медными эфесами шпаг тожмо в одном Пятом мушкательском полку подлежащее на нестроевые чины число, отдать того ж Обсервационного корпуса в Первый мушкательский полк, чтоб оный одними теми новообразцовыми тесаками совершенно был укомплектован, а ежели за укомплектованием оного несколько еще оставаться будет, в таком случае оставшие во Второй мушкательский полк отправить»¹⁰⁹. Соответственно, понадобилась переправка и портупеям: «...и понеже имеющиеся в полках Обсервационного корпуса портупеи деланы были к означенным новообраззовым тесакам по короткости оных с пришитыми лопастями не косо, но почти прямо, в которых ныне ассигнованных с медными эфесами шпаг, как они против тех новых тесаков гораздо длиннее, носить будет неспособно, для того извольте приказать те портупеи по препорции оных ныне в полки раздающихя шпаг переправить, тожмо при переправлении оных лопастей обрезывать не велеть, а старатся как можно не обрезывая оных так переправить, дабы когда полный комплект новообраззовых тесаков наделано будет, можно было те портупеи паки к тем же новообраззовым тесакам употребить»¹¹⁰. Позднее тесаками обеспечиваются все полки.

Кроме шпаг, в корпус поступали и другие образцы холодного оружия. Так, из ведомости Оружейной канцелярии от 24 июня 1757 г. Шувалов не без удивления для себя узнал, что в мушкетерские полки корпуса было отпущено 3.285 драгунских палашей нового образца, 461 драгунская и

1.209 новых солдатских шпаг «прежнего манира», 405 «почищенных» солдатских шпаг, 127 «в починку годных» драгунских клинков и даже 681 сабля, «...а понеже всего вышеписанного в помянутых полках иметь не положено, и для чего тем вещам отпуск чинен, и сколько в который полк отпущено неизвестно, того ради означенная Оружейная канцелярия имеет с получения сего ко мне немедленно рапортовать, по каким обстоятельствам объявленным палашам, шпагам и клинкам драгунскими и солдатским, також и саблям, и для чего именно отпуск чинен был и сколько когда в который полк чего отпущен»¹¹¹.

Темляки к тесакам «для лучшей крепости и способности» сначала предполагалось сделать «из яловичной белой наподобие замшеной кожи»¹¹², но в начале марта Шувалов приказал, чтобы они были такого же цвета, как ружейные ремни — красные в Гренадерском полку, черные в мушкетерских, без различий по чинам¹¹³. В Пятом мушкетерском полку присланный образцовый темляк получил определение «плетеный»¹¹⁴.

И тесак, и лядунка носились на поясной портупее из яловичной кожи. Василий Высоцкий, взявший подряд на изготовление портупеи, обещал делать их точно против образцовых, «...но еще притом и с лучшею добротою, чтоб оные и после мытья были мягки, а не закаловатые, и ежели притом по крайней мере некоторые хотя и с маленькими пашинаками явятся, но чтоб оные пашишки не в нужных местах были... самые малые, и то не на лопастях или в средине портупеи, но разве к концу, и то уже за пряжкою»¹¹⁵. Готовые портупеи, а в Гренадерском полку и ремни гранатных сум, белились¹¹⁶.

Описана образцовая портупея была весьма подробно: «...портупеи из яловичных кож, ширину в вершок, длиною по поясу 1 ар[шин] 13½ вер[шков]; лопасти передние от пришивки к верхнему ремню длиною в 4 вершка, а задние в 3 без получетверти вершка; клапан для вкладывания тесака по-кортичному чтоб сделан был — несколько назад наискось, длины два вершка, широтою от пришивок 2 вершка ½, и надлежит быть пришиванным из цельного ремня; на верхнем ремне над заднею лопастию нашита б была медная пряжка широтою с тем ремнем равная и в длину той же меры, [с] шпеньком медным же, а над переднею лопастью, также и позади пряжки, для продевания конца сделать должно из такой же кожи запряжники»¹¹⁷.

Носить портупею следовало так, чтобы «...пришивные лопасти состояли по вздевании во оные тесаков в равной препорции и по росту человека». Добиться этого позволяли два способа:

«1. Когда портупея подпоясана будет, то дабы оная от лядунки с патронами вниз не опускалась, велеть иметь пришитые к тем портупеям крепко веряные петли; оные вверх накладывать на камзольную пуговицу ближнюю от портупеи, следовательно, и на боках у камзола иметь же по пуговице или по кляпышу из кожи сделанному, а на портупеях по петле, которые и надевать и на пуговицы или кляпши.

2. Поставить человека на колени, и вздев [в] портупею тесак, смотреть, дабы наконечник тесака до земли не доставал, а буде у кого доставать будет по малости росту до земли, то чтоб не самым концом, а верхнею частью наконечника, и для того тесак чтоб спереди несколько наискось был, то

ежели надобно будет, задние лопасти по препорции и убавить позволяет»¹¹⁸.

Гранатные сумы

Сумы для ношения гранат были даны только нижним чинам Гренадерского полка. Изначально предполагалось, что эти сумы, так же, как патронные лядунки, не должны иметь никакого медного прибора, но в марте 1757 г., по представлению Шувалова, Конференция приказала сделать на весь Гренадерский полк бляхи и к сумам, и подсумкам¹¹⁹. Крышка гранатной сумы целиком закрывалась двумя медными тисненными бляхами, именуемыми «крышка» и «герб» (они же «верхняя» и «нижняя» бляхи), общим весом в один фунт с золотником. На пришивку той и другой выходило по одному аршину два вершка медной проволоки¹²⁰. Перевязь сумы — яловичная «на лосиное дело», с прикрепленной к ней фитильной трубкой. В сентябре 1758 г., после сражения при Цорндорфе, где Обсервационный корпус понес серьезные потери, рядовым Гренадерского полка, утратившим гранатные сумы, до получения новых было велено «исправляться» лядунками, а утратившим лядунки — носить патроны в гранатных сумах¹²¹.

Гренадеры, состоящие при мушкетерских полках, носили свои гранаты в карманах, а фитильные трубки — привязывая ремнем к пуговичным петлям «на левой стороне, против самой груди», так, чтобы трубка находилась между третьей и четвертой петлей от верха¹²². Нововведение это было откровенно сомнительным. Генерал-майор князь Григорий Мещерский писал Шувалову в августе 1757 г.: «...Что ж принадлежит до сум гранадерских, то об оных в покорности моей вашему высокографскому сиятельству приемлю смелость донести: быть им надлежит, потому что во время прежде бывшие кампании, при коих я и сам находился, по большей части в действиях при самом неприятеле для легкости и проворства гранадеры и мушкетеры употребляются в одних камзолах, то тех гранат, по короткости камзолов, положить в их карманы не можно, а в кафтанах содержать хотя и возможно, но по известной привычке наших солдат — в случающееся время они в кафтанах близ раскладываемых в лагере огней ходят и садятся без осторожности — то может скорее в сукно волнуть искра, и от того причиниться вред. Еще ж случаются командированием при самом неприятеле в партии и к занятию переправ, где и чинят отпоры более гранатами, как то и случилось в Польше — атакованный с командою поручик Сафонов был где от неприятеля убит, а команда от бросания гранат и свободу имела, за чем и надлежит их всегда при себе иметь. Но по тяжелости тех гранат не только по случаю посланной партии отягощены будут, но и карманы оторвать и сукно скоро отодрать может»¹²³.

Двухфунтовых гранат на каждого человека, согласно штату, полагалось по три, фитиля — по одной сажени на гранату, однако в январе 1758 г., перед выступлением корпуса в заграничный поход, гренадеры сдали по две из трех положенных им гранат и состоящие под ними гранатные ящики в ближайшие к местам занимаемых тогда стоянок артиллерийские команды¹²⁴. Перед нарядкой в лаборатории, чугунные гранаты обжигались и обмачивались в смоле, «...и тою смолою как снаружи, так и внутри

не токмо раковины, но и свищи наполняются, что прежде ж нарядки и пробуется дутьем в гранату, и в кои дух проходить не может, таковые и наряжаются». Помимо того, «к лучшей годности» на полтора дюйма кругом запальной трубы гранату оклеивали просмоленным холстом¹²⁵. В отношении самих трубок требовалось, чтобы мякоть «...набивана была по пробе, с наблюдением же, чтоб не очень слаба и не чрезвычайно сильна была, дабы при самом действии во время бросания в неприятеля не можно было, если мякоть медленно из трубы дуть станет, брошенную гранату подняв, обратно бросить, или не была бы так сильна, чтоб во время летенья гранаты в руках их не рвало, и от того больше в своем фрунте, нежели в неприятельском, вреда приключить не могло»¹²⁶.

Походное снаряжение

Всем нижним чинам, имевшим тесаки, а также безоружным гренадерам и мушкетерам, полагались ранцы и водоносные фляги (они же манерки). Ранец из черной яловичной кожи вместе с ремнем и железными пряжками по штату стоил 48 копеек. Образец этот оказался излишне велик и, как следствие, тяжел. Рескриптом Конференции от 21 января 1758 г. состоящие в Обсервационном корпусе ранцы было велено переделать по образцу, представленному от генерал-поручика графа Захара Чернышова¹²⁷. Фляга из двойной «немецкой» жести, украшенная припаянной к корпусу медной бляшкой-гербом¹²⁸, имела черный яловичный ремень с железной пряжкой¹²⁹. В Гренадерском полку к флягам было «употреблено» 2.140 оказавшихся несгодными с образцами фузейных ремней из сыромятной кожи¹³⁰. И ранец, и манерку носили через левое плечо¹³¹.

При выступлении за границу, походное снаряжение нижних чинов Обсервационного корпуса пополнилось еще одним предметом. В январе 1758 г. генерал-аншеф Виллиム Фермор приказал завести во всех подчиненных ему пехотных полках сумы для ношения пятидневного провианта, сделанные «...из телячьей кожи невыделанной шерстью наружу, а в случае кожи недостатка хотя из парусины или из толстого плотного холста, с пришитыми для ношения через плечо тесьмами» (ранцы для ношения провианта не подходили — «занимаются бельем и иною мелочью, и возятся на артельных лошадях»)¹³².

Унтер-офицерские вещи

Сержанты и каптенармусы мушкетерских рот вооружались алебардами на вычерненных древках длиной в три аршина¹³³. Весь металлический прибор алебарды — четырехгранный наконечник, «винтовальная» трубка, помочи и остроконечный подток — был железный. В сентябре 1758 г., после сражения при Цорндорфе, взамен утраченных алебард унтер-офицерам раздали фузеи, оставшиеся после больных и раненых, и лядунки, взятые из Гренадерского полка¹³⁴. Наряду с алебардами сержантам и каптенармусам, а также подпрапорщикам мушкетерских и гренадерских рот, было дано по одному пистолету с железным прибором, из числа трофеев, захваченных во время последней Русско-шведской войны (1741–1743 гг.)¹³⁵. Фурьеры имели по два таких пистолета. Сделанная из черной яловичной кожи

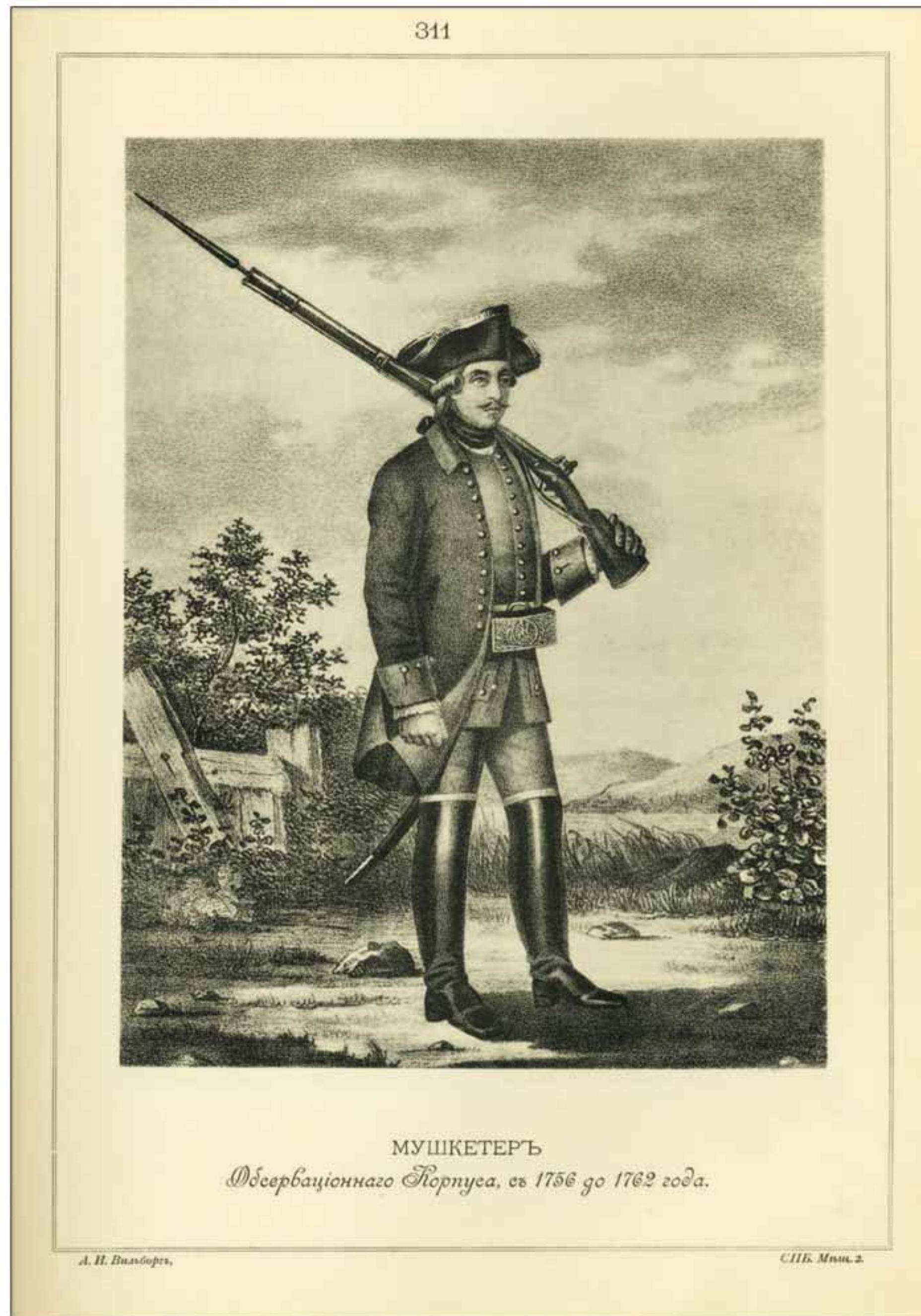

Рисунок мушкетера Обсервационного корпуса
«Историческое описание одежды и вооружения Российских войск...». Ч.3. СПб., 1899. Рис. № 311

Уже упомянутые нами выше «Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам... и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее...» позволяют уточнить ряд подробностей о внешнем виде фурьерских значков корпуса. Края их обшивались тесьмой зеленого цвета в мушкетерских полках и красного цвета в Гренадерском полку. На верхней ленте красной краской (Гренадерский, Первый мушкетерский полки) или золотом (Второй полк) было написано «Обсервационного корпуса», на нижней ленте — наименование конкретной части («4 мушкетерского полка», «Гранадерского полку»), а внутри венка — номер роты («1 роты», «1 р.», «1 м. р.», «1-й г. роты», «1 г. р.» и т.п.); в Первом и Четвертом полках на значках гренадерских рот дополнительно рисовалась пылающая граната. «Копья» (дротики) были по большей части плоские медные, «состоящие из полусердцевидной рамки, внутри которой помещается Андреевский крест с орлами в трех углах и короной в четвертом верхнем», или же плоские стреловидной формы; на одном из значков Гренадерского полка имелось большое железное копье «с прорезным посередине восемиконечным крестом». Похоже, что все эти дротики (непонятно только, когда именно — при изготовлении значков или уже в Артиллерийском арсенале), были взяты со старых знамен конца XVII — начала XVIII веков.

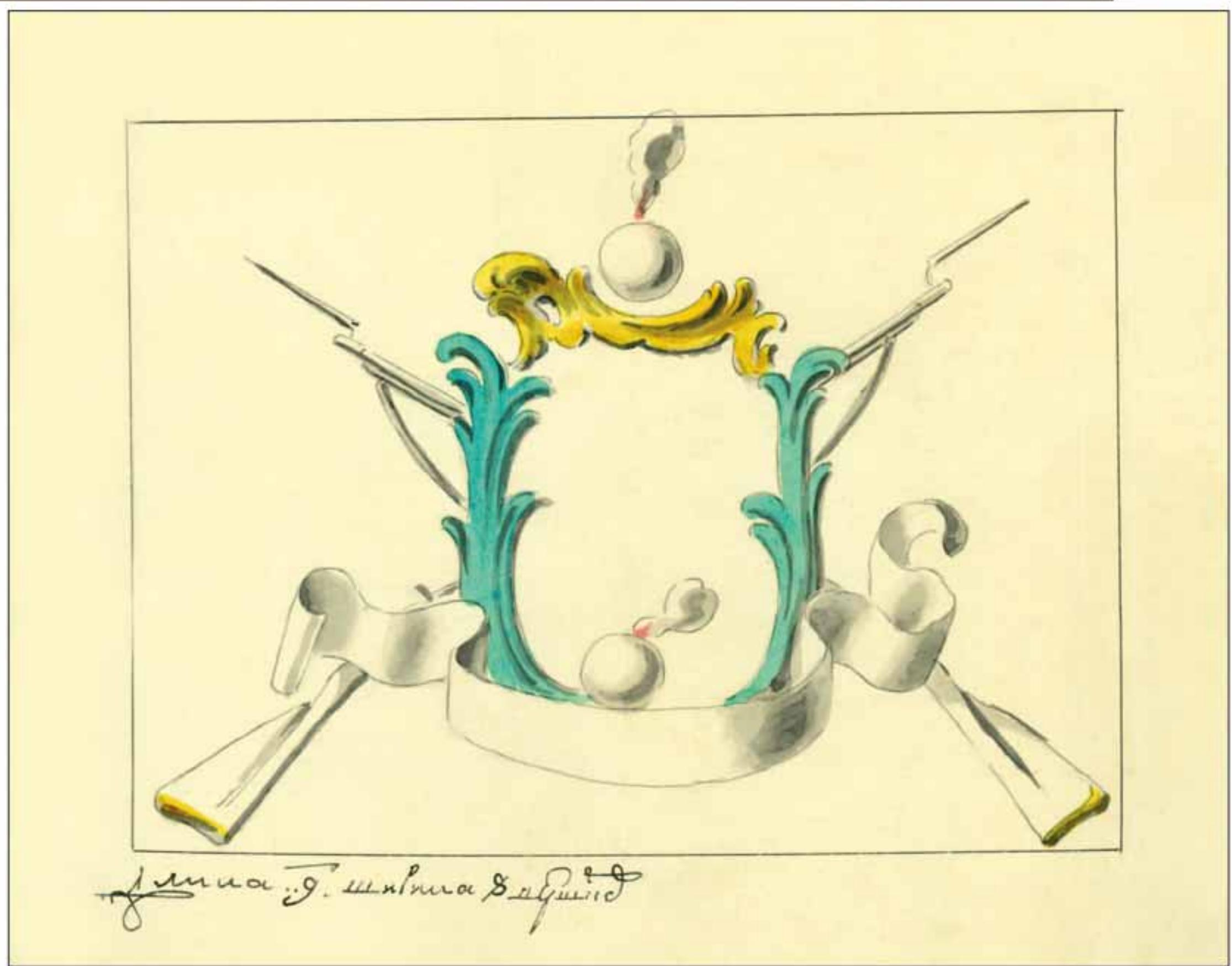
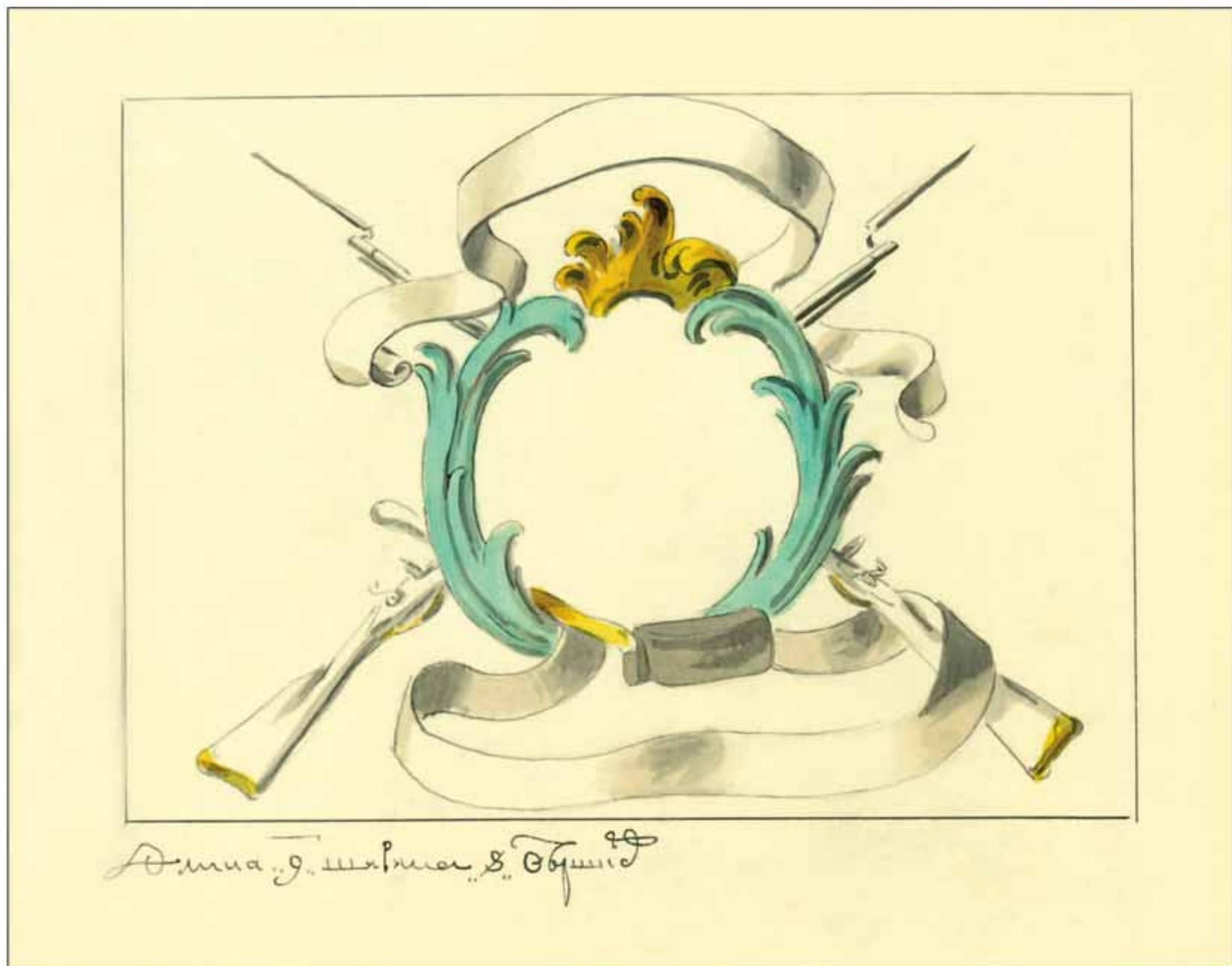

Рисунок фурьерских значков мушкетерских (вверху) и Гренадерского (внизу)
полков Обсервационного корпуса. 1757 г.
РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.3. Л.160. Рукоп. в красках. 31,5 x 26 см

лядунка для 12 пистолетных патронов носилась надетой на портупею с правой стороны. Фурьеры также носили свои лядунки на портупее, но у них они вмещали в себя патроны и к ружьям, и к пистолетам, по 12 штук для тех и для других¹³⁶.

«Для употребления в малых колоннах» на 66 (в Гренадерском полку на 70) унтер-офицеров предписывалось завести «колоножные» копья или же пики с черными древками. Железный прибор пики включал: «четырехугольное» копье с «поперечным» костьюком общей длиной (до трубки) в пять вершков, «винтовальную» трубку длиной в два вершка с отходящими от нее двумя помочами длиной по одному аршину два вершка каждая, и остроконечный подток длиной 2½ вершка. Общая длина копья составляла 4 аршина 12 вершков без четверти¹³⁷. Рескриптом Конференции от 7 января 1757 г. такие пики было велено «...не токмо в малых колоннах употреблять, но и всем унтер-офицерам, кроме гранадерских, вместо галебард иметь»¹³⁸.

Фурьерские значки согласно штату надлежало делать из белой шелковой материи, «...с обшивными по краям полу-шелковыми лентами и в средине с надписанием литерами краскою, золотом или серебром звания полку и номер роты»¹³⁹. Длина полотнища определялась в девять, а ширина в восемь вершков¹⁴⁰. На верхний конец древка крепился медный дротик, на нижний — железный, реже медный подток. В Первом, Третьем и Пятом мушкетерских полках значки были сделаны из белой камки, во Втором — из белой тафты и атласа, в Четвертом — из белой холстины. На походе, подобно знаменам, значки свертывались вокруг древка и закрывались чехлами; в Первом и Четвертом полках их пошили из черной kleenки, во Втором — из василькового сукна, в Третьем и Пятом — из красного¹⁴¹.

Седла фурьерам были положены «из драгунских» (видимо, старые, отобранные от полков), но без необходимых кавалеристам переметных сум и смычных ремней¹⁴². Стандартный набор принадлежностей драгунского седла включал: ольстры с крышками, паперь, пахви, подпругу с приступой, путлища с железными стременами, мундштук с оголовьем, поводья, чепрак, тороки, войлок с кожаной крышкой и бушмат¹⁴³.

Каптенармусы носили по две таких же, как в армейских полках сумы из черной яловичной кожи¹⁴⁴. В каждой гренадерской роте состояло по три медных капральских noctника с ремнями.

ОФИЦЕРСКИЙ ЭКИПАЖ

Мундирные вещи

Форменные, а в особенности амуниченные вещи офицеров Обсервационного корпуса отличались от аналогичных вещей, положенных офицерам других армейских полков рядом деталей.

Кроме белого банта, офицерскую шляпу украшали два аршина золотого «масифного позумента» (обычно он назывался просто «масиф») и две кисти из золота с черным шелком (в некоторых документах эти кисти и соединявший их шнур на французский манер названы «кордонами»). Упоминания о шляпах, обшитых масифом или узким золотым

газом встречаются и в описях пожитков, оставшихся после убитых и умерших офицеров Гренадерского полка. Галстуки офицерам были присвоены черные (видимо, шелковые), однако судя по упомянутым выше описям, многие предпочитали носить галстуки белого цвета¹⁴⁵.

Мундирные вещи — кафтаны, камзолы и штаны — делались практически по образцу армейских: «...штаб- и обер-офицерам иметь обыкновенные офицерские мундиры, каковые ныне и в армейских полках находятся, только наблюдать того, чтоб в фалды сит и ват, кроме одной стамедной подкладки, кладено не было, а притом не меньше смотреть и сего, чтоб оные были из одноцветных сукон, дабы ежели, например, будет у иных светло-зеленые, а у других темные, в парадах между ими пестроты не было»¹⁴⁶. Еще оговаривалось, что сукна для штаб-офицерского мундира и конского убora должны стоить не меньше 2 рублей 50 копеек за аршин, для обер-офицерского — 2 рублей 25 копеек¹⁴⁷. Возможно, впрочем, присвоенный офицерам корпуса мундир вообще не отличался от носимого в армейских полках: один из вариантов «Положения...» об офицерских вещах предписывал иметь его «...во всём по прежнему пехотных полков образцу»¹⁴⁸. В Пятом полку штаб-офицеры сделали себе мундир из английского, а обер-офицеры из голландского сукна; кафтаны у тех и других были подбиты красным, камзолы — белым стамедом; пуговичные петли обметывались зеленым или красным гарусом, под цвет сукна¹⁴⁹. Вместе с мундиром надлежало носить тонкую полотняную рубашку с накрахмленными манжетами из батиста или «хорошей» кисеи, длиной не больше вершка¹⁵⁰.

Обувью офицерам служили тупоносые сапоги из опойковой кожи, застегивающиеся пуговицами «наподобие щиблет». Кроме «парадов» разрешалось носить «обыкновенные» сапоги без пуговиц, «однако тупоносые же», и «...притом наблюдать, чтоб у оных, а особенно у тех, которые с пуговицами будут, сделаны оправто из хорошего товару, и подвязывали б их порядочно, вытянув, дабы морщин не было, да и пуговицы на сапогах у всех были одноманерные, а не разные»¹⁵¹. Последние полагались кожаные, но, например, Второй полк подрядил к офицерским сапогам медные плоские позолоченные пуговицы, по 20 штук на пару¹⁵². Носить сапоги следовало со штиблель-манжетами из тонкого полотна. Офицеры, находящиеся при фронте на лошадях («полковые штабы» и адъютанты), пристегивали к сапогам медные позолоченные шпоры с пряжками, а на руки надевали лосинные перчатки. В Гренадерском полку перчатки, видимо, были сделаны для всех офицеров¹⁵³.

Офицерские прически также не отличались от употреблявшихся в других полках: «...обер-офицерам косы у волос иметь велеть обвитые черною шелковою лентою, не малые, а посредственной величины; малых же, а напротиву и завитых в два конца, отнюдь не иметь»¹⁵⁴.

Шарфы и знаки

Шарфы и темляки делились на штаб- и обер-офицерские. Те и другие были золотые, с примесью черного шелка, но у обер-офицерских отсутствовала золотая бить в кистях. На внутренней стороне шарфа находилась «подшивная» лосинная портупея или же «подкладка» с медными крючками¹⁵⁵.

Носили шарфы по поясу, «...и для того быть им такой только длины, чтоб круг пояса обходиться могли, не завязывая узлом, но надевая один конец шарфа крючком в нарочно сделанную на другом конце для того пряжку»¹⁵⁶. Ведомость парадных вещей (тогда уже «бывшего») Обсервационного корпуса, составленная в июле 1760 г., показывает, что офицеры имели «строевые» и «вседневные» темляки; разница в цене между ними, впрочем, довольно невелика: первые стоили по 2 рубля 90 копеек, вторые — по 2 рубля 25 копеек¹⁵⁷.

Серебряные офицерские знаки различались по чинам. «...Всем штаб- и обер-офицерам, кроме аудитора, содержать знаки серебряные по особливо сделанным на то рисункам, которым быть, а именно: у полковников вся накладка финифтяная, а знак золоченый; у подполковников — знак и вся накладка золоченая, а корона и имя финифтяные; у майоров — доска и накладка золоченые; капитанам — герб с накладкою и обручик золоченые; поручикам и квартирмистру — весь герб, который должен быть вырезан на знаке, а накладок уже не иметь, золоченый; адъютантам и подпоручикам — у такового же вырезанного на доске герба корона и имя золоченые, а прапорщикам весь знак иметь белый с резным на доске же гербом»¹⁵⁸. Ведомость «строевых вещей» офицеров Пятого мушкетерского полка показывает несколько иную систему чиновых различий (видимо, незначительные вариации имели знаки каждого из полков). Полковник здесь носил золоченый знак «с финифтяным всем гербом (ибо в некоторых полках лакированные только)», подполковники — золоченые знаки «с финифтяною короною и высочайшим в вензеле Ее Императорского Величества именем цвету знамен в полку»; майоры — золоченые знаки с «накладочными» гербами; капитаны — серебряные знаки «с золоченою накладкою и обоими ободами»; поручики, полковой квартирмейстера и адъютанты — серебряные знаки «с золочеными гербами»; на знаках подпоручиков золотились «имя, корона и лучи»; у прапорщиков были серебряные знаки «с резными гербами незолоченными»¹⁵⁹.

Оружие и амуниция

Холодным оружием офицеру служила шпага со «способным к воинскому употреблению» клинком. Эфес «по присланному образцу», а также устье, крючок и наконечник кожаных ножен были медные позолоченные. Носить шпагу следовало «...в такую препорцию, [чтобы] когда оную правою рукою вынять из ножен надобно, то б не нагибаясь на левый бок или б не наклоняясь вперед, но прямо б стоя, правой рукой эфес достать можно было, а низко эфесов опустя отнюдь не носить»¹⁶⁰.

Помимо шпаг, все штаб- и обер-офицеры, кроме квартирмейстера, аудитора и адъютантов, а по другим сведениям еще и премьер-майоров, имели ружья со штыками «лучшего против рядовых мастерства и со всею к стрельбе способности»¹⁶¹. Само собой, предполагалось, что в каждом полку офицерские ружья должны быть «во всём приборе и работе... одного манира и калибра», но на практике, скажем сразу, осуществить это не вышло. Для офицеров Гренадерского полка в мае 1757 г. на Сестрорецких заводах, правда, изготовили два образцовых ружья с медным прибором, станками из волнистого березового дерева и трехгранными штыками на «присадке» с пружинками, но на этом дело и

ограничилось¹⁶². В конце-концов, офицеры корпуса стали получать ружья из числа имевшихся на казенных заводах. Так, Четвертый полк к маю 1757 г. принял три «штабских» фузей в ореховых и 24 «офицерских» в кленовых ложах¹⁶³, а штаб- и обер-офицерам Пятого полка Тульская оружейная канцелярия предоставила 81 «всею формою несходных» ружья «с медным прибором и ореховыми ложами и штыками»¹⁶⁴.

Патронная лядунка из красной яловичной кожи и обшитая красным же сукном полагалась всем штаб- и обер-офицерам, кроме аудитора. Металлический прибор ее составляли медные вызолоченные бляха-«герб» с четырьмя наугольниками на крышке и пара колец. Носить лядунку следовало «...на желтойшелковой тесьме, у которой бы по краям и черный шелк был, под шарфом, а шарфы по поясу же, а не через плечо»¹⁶⁵. Так же, как у обычного ремня, на тесьме этой имелись медные пряжки, запряжник и конечник (в ряде документов упоминаются только пряжки)¹⁶⁶. В Пятом полку лядунки штаб-офицеров вместо сукна были обшиты красным бархатом.

Офицеры Гренадерского полка, не исключая прапорщиков, адъютантов и квартирмейстера, получили такие же гранатные сумы с перевязями, как у гренадерских офицеров армейских полков — из черной яловичной кожи, с двумя медными позолоченными «досками» (бляхами) на крышке и сплошь покрытой золотым позументом перевязью¹⁶⁷. Верхняя бляха меньшего размера несла изображение императорского вензеля, нижняя — такого же, как на барабанах корпусного герба и двух гранат. Сначала включенного в герб корпуса орла и гранаты предполагалось покрыть черной финифтью, но в апреле 1757 г. Шувалов приказал «в рассуждении, что оная ломка и непрочна», использовать «лак или фернис», то есть просто красить в нужный цвет соответствующие фрагменты изображения, а затем покрывать их сверху прозрачным лаком¹⁶⁸. Края досок «для лучшей удобности» подгибались «против того, как и у полков лейб-гвардии оные делаются»¹⁶⁹. Позумента на каждую перевязь выходило по два аршина и два вершка¹⁷⁰. Офицеры гренадерских рот, состоявших при мушкетерских полках Обсервационного корпуса, гранатных сум не имели (впрочем, и самих гранат офицерам не полагалось)¹⁷¹.

В феврале 1759 г. к состоящему при корпусе обер-кригскому комиссару Даниле Мерлину были посланы образцы всех вещей офицерского гренадерского убора:

«...Шапка гранодерская обер-офицерская, без кисти, с задником, черная кожаная; обшита кругом, кроме задника, золотом; герб и граната вычеканенные медные и вызолочены; оная шапка в тулье подложена тафтою алою, а герб и задник подложены красною кожею. Сума гранодерская обер-же офицерская, сделанная из черной кожи; на ней две бляхи медные золоченые, в том числе верхняя с вензелевым именем Ее Императорского Величества, а нижняя с вычеканенными посередине гербом да по углам двумя гранатами, на оных, також и на гербе, чернь немногого потертая. Перевязь красная кожаная, с подкладкою с исподи белою кожею, а сверху через всю ту перевязь с широким золотым позументом. На шапке чехол из черной вощанки»¹⁷².

Лошади и конский убор

Все штаб-офицеры, адъютанты и квартирмейстеры должны были содержать по одной «настоящей» выез-

женной строевой лошади «...ростом штабам не меньше двух аришин с одним вершком, а обер-офицерам двух аришин; добrotами против цен: полковникам ста двадцати, подполковникам и майорам девяноста, а квартирмистру и адъютантам тридцати рублей; шерстями какими бы не случились, однако кроме белых и светло-серых»¹⁷³. Наряду со строевыми лошадьми, штаб-офицерам надлежало иметь и лошадей заводных: полковнику двух, подполковникам и премьер-майорам по одной, любой масти и стоимостью не меньше, чем в 50 рублей. Секунд-майоры от обязательного содержания заводных лошадей освобождались, однако тем, у кого их не было, следовало иметь лошадей подъездных, «...на которых бы они в походах ехать, а иногда и в акциях быть могли, чего ради тем лошадям быть ценою не менее тридцати рублей, только таких подъездков в строях не водить и попон на них не надевать»¹⁷⁴.

Наиболее полное представление о конском убore для строевых лошадей дает контракт, заключенный в марте 1758 г. между офицерами Второго полка и проживающим в Москве седельником Немецкой слободы Яганом Фридрихом Сибертом:

«...Подполковничье седло с ольстрами самого хорошего мастерства, кожаные, у того седла арчак цельный крепкий, а не составной, подушка наверху из самой хорошей замши, с чехлом козловым черным, с принадлежащими пуками, пристугами, пряжками слесарными, путлицами и подпругами, ценою за одиннадцать рублей. Мундштук и весь прибор на красном козле и поверх на тесьме плотной краснойшелковой, а в средине самый добрый обыкновенный ремень. Набор на мундштук, паперть и пахви медный вызолочен (против того, как и его превосходительству господину генерал-майору Меэру к парадному седлу построил), а набор числом к тому седлу, и с бу碌ленными на удилах бляхами и пряжками, не менее шестидесяти четырех мест, за двадцать за восемь рублей. Уздечкушелковую с золотыми каемками, с подкладкою красного козла, за четыре рубли за девяносто копеек. А мундштучные и к уздечке удилы и стремена против того, как и у седла его же превосходительства, железные луженые, слесарского мастерства. Премьер-майорские вещи против того же, как и подполковничьи, во всём сходственные и за такую же цену. Адъютантам седел с ольстрами и прочим прибором два, такие же, каковы подполковничье и премьер-майорское, каждое по одиннадцати рублей, а за оба двадцать два рубли. Мундштуков два, к ним паперти и пахви черные самого доброго чищенного ремня, с пряжками железными воронеными, а на обоих сторонах удил по медной самой хорошей вызолоченной бляхе, за каждый по пяти рублей, а за оба десять рублей. Уздечек красных шерстяных с подкладками красного козла четыре, за каждое по два рубли, а за четыре восемь рублей»¹⁷⁵. Добавим, что кисти для вплетания в холку и гриву лошадей были из красного шелка с золотом, а седельные пистолеты — с медной оправой.

На походе и во время учений употреблялись кожаные чепраки и чушки, при параде — красные суконные, обложеные золотым галуном без бити. У штаб-офицеров галун нашивался в два ряда: первый, по краю, имел ширину в полвершка, второй — в вершок; у квартирмейстеров и адъютантов было по одному ряду галуна вершковой ширины¹⁷⁶. Другие офицеры, по-видимому, приобретали себе чепраки

и чушки, украшенные подобным образом. Так, после капитана Гренадерского полка Георгия Гриннета, убитого 1 августа 1759 г., среди прочих вещей остались «чепрак в два галуна с чушками»¹⁷⁷.

Седла с ольстрами и прочий конский убор на заводных лошадей, включая чепрак и чушки, каждый офицер делал по своему достатку и «в сходность чина», регламентировался только вид попон: «...попоны... иметь всем цвету зеленого, суконные, ценою аришин не меньше двух рублей с четвертью, обкладывая их по борту золотым галуном в два ряда той же ширины и такой самый, какой... предписано класть на строевые чепраки»¹⁷⁸. Во время похода и на учениях позволялось выводить заводных лошадей под кожаными попонами. Седла и убор на подъездных лошадей были положены «пристойные» офицерскому чину¹⁷⁹.

Палатки

Штаб-офицерам и капитанам было приказано завести себе такие же, как в пехотных полках «обыкновенные» палатки с наметами и двойными полами, из равенучного полотна; прочим полковым и ротным офицерам «для единственного вида лагеря» предписывалось иметь «одни наметы с полами и подбоями»¹⁸⁰. Сверху на офицерскую палатку ставили две деревянные шишки, обитые латунью. Субалтерн-офицеры, кроме квартирмейстера, адъютантов и аудитора, должны были содержать по одной палатке на двух человек, «...а для случайного оных в разные места командирования, иметь всякому из них сверх того по одной же палатке такой, каковые для рядовых положены, кои они в случае бытности их при полках могут употреблять для их собственных людей и денциков в обозе»¹⁸¹. Делались эти «малые» палатки из равенучного полотна, с яринной подкладкой¹⁸². Во Втором и Пятом, а также, возможно, и в других полках, для отличия от солдатских, их дополнительно украсили «выкладками» или же «нашивками» из зеленой ярины¹⁸³. Палатки офицеров Второго полка подбивались тиком¹⁸⁴.

Обоз

В конце июня 1757 г. по полкам было разослано расписание повозок и лошадей в «партикулярных» (частных) обозах штаб- и обер-офицеров (смотри таблицу).

Кроме того, унтер-офицерам из дворян разрешалось иметь по одной упряжке с лошадью на трех человек, а в каждом каральстве — по одной артельной упряжке с лошадью¹⁸⁵.

Расписание, прилагавшееся к реескрипту Конференции от 19 января 1758 г., еще больше сократило определенное офицерам число лошадей. Согласно этому документу, полковник мог иметь их при себе 10, подполковник и майоры — по 7, полковой квартирмейстер — 4, полковой комиссар — 3, полковые аудитор, поп, лекарь и обозный — по 2, адъютанты — по 4, капитаны — по 3, прочие обер-офицеры — по 2¹⁸⁶. И хотя было заведомо понятно, что «толь малым числом лошадей никто из офицеров исправиться не может», придерживаться данного расписания следовало «непременно и точно, под опасением наитягчайшего гнева».

Выход из положения виделся простой: отдельную палатку и всё принадлежащее к «походной экономии» позволялось иметь только штаб-офицерам и капитанам, все остальные офицеры должны были завести «общую экономию», а офицерам, командированным куда-либо по одиночке, надлежало «исправляться» солдатскими палатками¹⁸⁷.

Внешний вид офицерских повозок был определен в самых общих чертах. Содержать их предписывалось «...во всём исправно и к безостановочным походам надежно, а которые звании имеют... в обозах своих палубы и коляски, то б вместо тех не были простые с рогоженными обвязками телеги, но маленькие крашеные фурки или дроги с навязанными сундуками, но отнюдь бы они не покрывались рогожами, а покрывались буде не кожею, то хотя б вычерненою холстиною; равным образом, чтоб вместо колясок не было содержано простых ростпусков с рогоженными кибитками, а разве крашенинныне, и обшитые кибитки вместо кожи хотя kleенкой или очерненной холстиной»¹⁸⁸.

ПОЛКОВЫЕ ВЕЩИ

Знамена

В каждом полку Обсервационного корпуса полагалось иметь восемь знамен из плотной итальянской камки. Найти такую ни в Сибирском приказе, ни в торговых рядах Комиссариат не смог, так как ее «вывоз» в Россию в то время, как показали купеческие люди, был вовсе запрещен, поэтому знамена сделали из «самой лучшей голи» или же «головой камки»¹⁸⁹. Величина полотнища составляла 2 аршина 6 вершков в длину и 1 аршин 15 вершков в ширину. Первое знамя, как обычно, было белым, остальные – своего цвета для каждого полка: Гренадерскому полку назначался померанцевый цвет, Первому мушкетерскому – голубой, Второму – красный, Третьему – зеленый, Четвертому – синий, Пятому – малиновый¹⁹⁰. Камки малинового цвета отыскать не удалось, а потому 7 апреля 1757 г. Шувалов приказал сделать Пятому полку вишневые знамена¹⁹¹. В конце мая, когда они были получены в полк, оказалось, что «...кроме белого прочие в цветах не равны, и больше с первым определением, малинового цвету, нежель по второму, вишневого, сходны, однако и тут первых батальонов три темнее, а последних двух светлее». В ответ на высказанные претензии Комиссариат «объявил», что найти столько одинаковых камок за отпущененный срок было «не можно», зато сами знамена «работою и в прочем» вполне исправны, «...да и разнота в цветах невелика, а паче когда они так распределяются, что при половинах полку перемешаны не будут, и [разницы] знать почти будет нельзя»¹⁹². У первых (белых) знамен во всех полках и на цветных знаменах Гренадерского полка «углы» или же «клины» писались золотом, у остальных были обычные «фламы», вырезанные из камки других «приличных» цветов¹⁹³ (известно, например, что Первый полк имел на своих знаменах желтые фламы¹⁹⁴, а Третий, видимо, красные¹⁹⁵). По середине полотнища с обеих сторон красками и золотом писался государственный герб с «приличествующею полковою арматурою». Выкрашенное в красный цвет знаменное древко длиной 4 аршина 6 вершков, имело медный позолочен-

ный дротик и медный же подток; длина дротика составляла 5 вершков, подтока – 1½ вершка¹⁹⁶. Край полотнища оборачивался вокруг древка и пришивался к нему медными гвоздями¹⁹⁷. Знаменные чехлы в Гренадерском и Третьем мушкетерском полках были сделаны из черной вощанки, в Первом полку – из красного сукна, в Четвертом и Пятом – из черной kleenки.¹⁹⁸

Музыкальные инструменты

Барабаны для Обсервационного корпуса делались из полированной «меди латуни» такой же длины, ширины, толщины и веса, какая шла на барабаны обычных пехотных полков: «образная доска» для изготовления одного «солдатского» барабана, «кроме прибору», имела вес в 10 фунтов, «... по последней мере с четвертью или полуфунтом; мерою лист меди кругом, то есть в длину, в 2 аршина в 2 вершка с половиной, в ширину того листа и с краями, которыми загнуты железные обручи, в 10 вершков»¹⁹⁹. Короче сказать, состоявшие в корпусе барабаны не отличались от армейских ничем, кроме изображения присвоенного корпусу герба²⁰⁰. Рисунок последнего Шувалов представил на рассмотрение Конференции при докладе от 7 января 1757 г.²⁰¹

Образцовый солдатский барабан документы описывают достаточно подробно. Итак, наряду с «луком» показанного выше размера, у него были: железные обручи, винты и шурупы, вместе весившие 2 фунта 9½ золотников; пришвартованный к корпусу медный тисненный герб высотой 6½ и шириной (в середине) 4½ вершка, а также прибитая к корпусу «выгибная» медная скобка длиной 4½ и шириной ¾ вершка, и «...в той скобке вделан железный винт с отверточным шурупом»²⁰². «Прибор» к барабанам – кожи, крашенные веревки, струны, чехлы из красного сукна – равным образом, не отличался от армейских. Вырезанная из яловичной кожи барабанная перевязь шириной в 2½ вершка имела железный погонный крюк, медные пряжку, запряжник и наконечник. В сентябре 1758 г., после сражения при Цорндорфе, уцелевшие барабаны было приказано поровну «разверстать» (разделить) между всеми ротами, а оставшихся без инструментов барабанщиков «по усмотрениям способности» определить в строевые и нестроевые чины²⁰³. Состоящие в гренадерских ротах флейтищи (по два человека в каждой) имели флейты, сделанные «из шамширового доброго дерева, с kostьми».

Из собственно музыкальных инструментов (барабаны и флейты, предназначенные для дублирования офицерских команд, таковыми не считались) в каждом мушкетерском полку было по две медных трубы и валторны, пять гобоев и два «басона» (басовых гобоя); в Гренадерском полку – две трубы, две валторны «с обвивкою шерстяных кистей» и два «шалмея» (кларнета)²⁰⁴.

Лагерные принадлежности

Из числа лагерных принадлежностей в каждом полку следовало иметь один церковный и два барабанных намета, 40 ружейных пирамид (по две на роту) и 500 палаток (одна на девять человек). Предполагалось, что все эти вещи будут

	ОПРЕДЕЛЕНО ПО ШТАТУ				ОПРЕДЕЛЕНО ДЛЯ ПОХОДА			
	В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ		В МУШКЕТЕРСКОМ ПОЛКУ		В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ		В МУШКЕТЕРСКОМ ПОЛКУ	
	упряжек	лошадей	упряжек	лошадей	упряжек	лошадей	упряжек	лошадей
полковнику								
упряжек	3	10	3	10	3	9	3	9
строевых		1		1		1		1
заводных		2		2		1		1
вьючных		2		2				
под людьми верховых		2		2		1		1
итого	3	17	3	17	3	12	3	12
подполковнику								
упряжек	2	6	2	6	2	6	2	6
строевых		1		1		1		1
заводных		1		1				
вьючных		2		2				
под людьми верховых		2		2		1		1
итого	2	12	2	12	2	8	2	8
премьер-майору								
упряжек	2	6	2	6	2	6	2	6
строевых		1		1		1		1
заводных		1		1				
вьючных		2		2				
под людьми верховых		2		2		1		1
итого	2	12	2	12	2	8	2	8
секунд-майору								
упряжек	2	4	2	4	2	4	2	4
строевых		1		1		1		1
подъездков		1		1				
вьючных		1		1				
под людьми верховых		1		1		1		1
итого	2	8	2	8	2	6	2	6
капитану								
упряжек	1	3	1	3	1	2	1	2
подъездков		1		1		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	5	1	5	1	3	1	3
поручику								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	4	1	4	1	2	1	2
квартирмейстеру								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
подъездков		1		6		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	4	1	9	1	2	1	2
адъютанту								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
верховых		1		1		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	4	1	4	1	2	1	2
подпоручику								
упряжек	1	1	1	1	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	3	1	3	1	2	1	2
прапорщику								
упряжек	1	1	1	1	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
вьючных		1		1				
итого	1	3	1	3	1	2	1	2
аудитору								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1

	ОПРЕДЕЛЕНО ПО ШТАТУ				ОПРЕДЕЛЕНО ДЛЯ ПОХОДА			
	В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ		В МУШКЕТЕРСКОМ ПОЛКУ		В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ		В МУШКЕТЕРСКОМ ПОЛКУ	
подъездков		1		1		1		1
итого	1	3	1	3	1	2	1	2
лекарю								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
итого	1	3	1	3	1	2	1	2
священнику								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
итого	1	3	1	3	1	2	1	2
подлекарю								
упряжек	1	2	1	2	1	1	1	1
подъездков		1		1		1		1
итого	1	3	1	3	1	2	1	2

по образцу армейских, «...точию величиною, какие в гранодерских полках положено»²⁰⁵.

Церковные наметы штат определял как «яринные двойные». Делать их предписывалось «...против состоящих в прочих полках, но чтоб оные некоторым образом более оных быть могли, для того прибавить в каждый по два полотница» (аналогичным образом, из-за большей численности полков Обсервационного корпуса в сравнении с армейскими, больший размер имели его барабанные наметы и ружейные пирамиды)²⁰⁶. Величина намета определялась также исходя из размеров иконостаса. В Первом и Втором мушкетерских полках последние были шириной в девять, а высотой в пять аршин, в Третьем — шириной в шесть и высотой пять аршин. Призванные в Комиссию купцы предлагали изготовить для полков корпуса наметы «...против взятого из Куринского полку намета мерою: длины древка от древки двенадцати аршин, а ширину через древку на обе стороны одиннадцати аршин с половиной; полы высота двух аршин с половиной, а кругом те полы по препорции того намета; и к тому в длине с прибавкою двух полотниц фланского полотна; и все оные наметы с полами будут из фланского же яринного полотна, а внутри того намета с подбоем пестрою черновою крашениною, и с принадлежащею к тому тесьмою и прочими материалами», однако ни просимая цена, ни сроки Комиссию не устроили, поэтому (как обычно в подобных случаях) он отпустил в полки ту сумму денег, которая была определена на изготовление наметов в штате — по 60 рублей²⁰⁷. Алтарные палатки, церковная утварь, книги и все прочие принадлежности, а равно повозка и подъемные лошади под полковую церковь приобретались на средства, собираемые с военнослужащих.

Каждый полк имел своего небесного покровителя. Например, в Первом полку была церковь «...во имя святого мученика Севастiana, которого память совершается декабря 18 числа»²⁰⁸.

Палатки и ружейные пирамиды также строились при полках. В Гренадерском полку на одну палатку выходило 45 аршин равнодучного полотна, 51½ аршина тесьмы для обшивки швов, «кожи малых лоскутков кругом по два вершка четырнадцать, больших кругом по три вершка два» и 15 сажен пеньковых веревок «на привязку»; на пирамиду — 16 аршин 5 вершков полотна, 2½ аршина зеленой ярины,

29 аршин 1 вершок тесьмы «по швам», 8½ сажен веревок и 18 пар крючков с петлями из железной проволоки²⁰⁹. Ставившиеся на верх ружейных пирамид шишкы (они же чашки) были окованные медью²¹⁰.

В заключение данного раздела мы приведем описание образцовых вещей, отданных в Комиссию:

«...Намет барабанный равнодучного полотна ширину в один аршин. В нем четыре полотница, каждое от полы через древко до другой полы пять аршин восемь вершков. Откосы каждый напереди и назад равномерны, внизу от пол по четыре аршина, длина откоскам два аршина тринацать вершков, поперек по верхней древке от откосков мерою в четыре аршина. Полы в длину один аршин, а кругом намета шестнадцать аршин. А всего употреблено пятьдесят два аршина. Между каждым полотнищем у пол пришиты кожаные кружки, и сквозь оные продеты веревки для древок. Вверху пришиты на каждой стороне по одному кожаному кругу, а кругом пол и между каждого полотнища и наверху под древком обшито тесьмою ширину в один вершок, а всего употреблено шестьдесят аршин...

Палатка солдатская из равнодучного ж полотна ширину в один аршин. В ней пять полотниц, каждое полотнище от полы через древко до другой полы шесть аршин восемь вершков. Вверху откосы, каждый напереди и назад равной меры, внизу по четыре аршина, длиною откосок два аршина девять вершков, поперек по верхнему древку пять аршин. Тесьма положена у двух крайних к откоскам полотниц по шести аршин с половиной, итого тринацать аршин. Между каждым полотнищем пришиты кожаные кружки, снизу в восьми вершках, и сквозь каждый продеты веревки для пришивания коликов в землю. А во оную употреблено полотна сорок четыре аршина...

Пирамида равнодучного полотна ширину в один аршин. В ней полотниц двенадцать, которые ширину вверху пирамиды по два вершка с четвертью, а всего мерою один аршин одиннадцать вершков; внизу ширину каждое полотнище по тринацати вершков, а всего мерою девять аршин двенадцать вершков; в длину от верхних крючков до подолу два аршина одиннадцать вершков. Она обшита кругом подола и пол, також сверху и между полотниц, тесьмою нитяною ширину в вершок, которой употреблено сорок три аршина. На полах между каждого полотнища обшито кожею и протянуты

веревки для пришивания колышков в землю. Для пристегивания крышки к крючкам петель железных семнадцать».²¹¹

Обоз

Согласно штату, обоз Гренадерского полка имел следующий состав:

«При полку» было семь палуб и шесть фур. Из этого числа две палубы предназначались «для возки казначейской, квартирмейстерской и комиссариатской сумм», одна — под канцелярию, четыре — под аптеку; все палубы запрягали двумя лошадьми. В двух первых фурах перевозились оружие и амуниция, оставшиеся от отлучных чинов и «от несостояния полного комплекта», в четырех других — рогатки и рогаточные брусья; в каждую фуру впряженось по четыре лошади.

«В ротах» надлежало иметь 60 патронных и гранатных ящиков (по одному патронному и два гранатных ящика на роту), 40 «госпитальных» колясок для больных, 40 фур «под двухнедельный провиант, полковые инструменты и материалы», 20 «ротных» палуб и 36 роспусков (они же назывались «малыми фурами»), «из коих в 20 запряжены быть должны по две, а в прочих по 1 лошади»²¹². Под каждый патронный и гранатный ящик, госпитальную коляску и палубу считалось по две лошади, под фуры — по четыре; на первые 16 рот полагалось по двое роспусков в две лошади, в последнюю четыре роты — по одним роспускам с одной лошадью.

Извозчиков при каждой фуре состояло по два, при роспусках и колясках для больных — по одному. Недостающее число извозчиков заменялось нестроевыми чинами.

Обоз мушкетерского полка отличался от описанного выше только тем, что гранатных ящиков в нем было всего восемь — по два на каждую из гренадерских рот²¹³.

Про конструктивные особенности находящихся в полках корпуса повозок рассказать можно немного. Палубы с оглоблями делались по образцу состоявших при армейских пехотных полках, только передние колеса у них были выше — «так, как и у фур»²¹⁴. Фуры имели крышки из равнодучного полотна²¹⁵. Малые фуры строились о двух колесах²¹⁶. Патронные и гранатные ящики с оглоблями, обитые толстым парусинным полотном, на походе дополнительно закрывали специальными чехлами. Возившиеся в ящиках гранаты, чтобы их не терло друг о друга, «перекладывались» пенькой или, в случае ее нехватки, сухими опилками²¹⁷. И фуры, и ящики, а также, вероятно, палубы, красили в зеленый цвет²¹⁸. Колеса у всех повозок были окованы железом. Госпитальную коляску с оглоблями следовало крепить между дрог на пасах, «...хотя не под весь ящик, но укрепляя пасы у заду и у переду ящика, а ящику колясочному состоять такой препорции, чтобы два человека лежать рядом, а насупротив того двое или хотя 1 сидеть могли, и на тех ящиках иметь сверх дуг снаружи покрышику кожаную или парусинную выкрашенную, а внутри подбиты каразеи, из остающейся от строения мундиров, а колеса бы вокруг были кованые, и стан выкрашен краскою красною»²¹⁹. Зимой обоз и артиллерия ставились на сани²²⁰.

Обоз начал строиться одним из первых. Так, Гренадерский полк уже в январе 1757 г. представил регистр «лесных припасов», необходимых для изготовления «полковых

тягостей»: «...на ящики патронные досок сосновых шириной в восемь и семь вершков, толщиною в два дюйма двухаршинных 600, да в один дюйм 600, итого 1.200... ко оным ящикам фундамента брусов дубовых толщиною в три дюйма, длиною в полторетья аршина 300... дрог ящичных с криулинами 60 пар... на фуры большие грядок дубовых длиною в пять аршин, толщиною в три дюйма, прямых и с криулинами по равному числу, 96 пар... на палубы грядок дубовых прямых толщиною в три дюйма, длиною в четыре аршина 54 пары... к ним досок из липовых, ольховых или сосновых тонких в дюйм, а длиною в три аршина 220... к ящикам патронным, фурам и палубам на колеса косяков и спиц дубовых 229 станов, в том числе половина на легкие телеги... осей дубовых больших и малых по половинному числу 400»²²¹.

Насделанную тогда же образцовую двухколесную фуру пошло следующее количество «припасов»: одна ось, две ступицы, 14 колесных косяков и 28 спиц, четыре шести- и восьмифунтовых досок, 10 сосновых досок длиной в три сажени и толщиной в один дюйм, три фунта рыбьего клея, 10 пудов полосного железа, а также сосновый и английский уголь²²².

«По числу имеющихся в упряжке лошадей» покупались хомуты и узды; ременные вожжи к фурам, палубам, госпитальным коляскам и 20 роспускам были двойные, к роспускам с одной лошадью — «одинакие» (одинарные). Седла к фурам, патронным и гранатным ящикам стоили по 1 рублю 70 копеек, малые седелки к патронным и гранатным ящикам, палубам, госпитальным коляскам и роспускам — по 14 копеек ровно²²³.

Рескриптом Конференции от 21 января 1758 г. всем отправляющимся в заграничный поход полкам, так как «по состоянию и довольству тамошних мест в пропитании людей недостатка быть не может», предписывалось продать всех артельных лошадей «по настоящей цене», взяв лучших из них к полевой артиллерии и оставив для перевозки личного имущества солдат одни полковые фурманы²²⁴. Рескрипт от 26 января, посланный в разъяснение сказанного выше, еще более сократил число обоза. Теперь при каждом полку следовало иметь по одной фуре на роту для солдатского имущества; еще 26 фур назначалось под палатки, шанцевый инструмент и оставшееся от больных и слабых оружие и амуницию; число колясок под больных было сокращено до шести на полк; количество полковых (семь) и ротных (20) палуб, а также малых роспусков под провиант (36) осталось прежним²²⁵.

В конце декабря 1758 г. командующий Заграничной армией генерал-аншеф Виллим Фермор приказал иметь в полках Обсервационного корпуса, «так, как и в армейских полках оные состоят», сверх положенных на каждого человека 50-ти еще по 25 патронов, и возить их, взамен патронных ящиков, в одном из состоящих в каждой роте фурманов, «сделав к положению реченных патронов деки»²²⁶.

Шанцевый и мастерской инструмент

Согласно штату, в каждой роте полагалось иметь 35 топоров, 19 железных лопат, 14 кирок и мотыг с укладом²²⁷. Эти, казалось бы, обыденные и отнюдь не сложные в изготовлении вещи доставили полковому начальству массу непри-

Рисунок герба на барабаны Обсервационного корпуса. 1757 г.
РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.3. Л.159. Рукоп. в красках. 34 x 23,5 см

ятных хлопот. Так, командир Пятого мушкетерского полка бригадир Симон Гран в августе 1757 г. написал Шувалову, что «... из привозных в полк ведения его разных заводчиков с заводов шанцевых инструментов по осмотрю его явилось: в топорах ни в едином не тожмо стали, ни укладу к вострию не положено, а кладена в них называемая сушь, которые жесткого ничего понести не могут, и некоторые из них попортившиеся принуждено было вновь переделать; тож и лопатки некоторые с сединами в рукаветках и не все одной формы, а другие меньше прочих, и как видно, что есть из старого дела, только не употребленные, паче всего что иные в рукаветках коротки и у многих вдоль по лопатке выгибу нет, чрез что во время работы могут изломаться»²²⁸. После этого рапорта, все инструменты было приказано переосвидетельствовать заново, а деньги выдать только за те из них, которые окажутся годны к службе.

Набор кузнецкого инструмента включал 10 молотов, 24 больших и малых пил, 10 больших и малых клемщет, 4 столовых тисков; слесарного – 4 столовых и 8 ручных тисков, по 12 винтовальных досок большой, средней и меньшей руки, 24 пилы большой, 32 пилы средней и 160 пил меньшей рук, 16 больших и малых молотов, 16 же больших и малых клемщет; дополнительно кузнецам и слесарям предназначалось 12 мехов и 6 наковален. Плотничный инструмент представляли 8 ступичных напарей, 20 топоров, 20 больших и малых долот, 20 скобелей, 40 больших и малых буравов, 20 ручных напарей. Ложным мастерам на покупку необходимых им инструментов отпускались деньги.²²⁹

Копья и рогатки

«Для употребления в малых колоннах»* каждый полк получил 432 пикинерских копья с помочами и подтоками. Длина выкрашенного в черный цвет копейного древка составляла семь аршин²³⁰. Копья эти оказались самым бесполезным нововведением: «...что ж касается до колонножных тик, — доносил Шувалову в июне 1759 г. командир корпуса генерал-лейтенант князь Александр Голицын, — то оных в полках формированного вашим высокографским сиятельством корпуса как в прошедшую кампанию не было, так и ныне не состоит, да хотя бы и были, только в минувшую с неприятелем баталию колонн делать не случалось, да и впредь в них надобности быть не предвидится»²³¹.

Столь же ненужными для войны в Европе оказались рогатки — переносное оборонительное сооружение, неизменно входившее в арсенал русской пехоты начиная с XVII в. Являвшиеся, прежде всего, защитой от кавалерии, они представляли собой сцепленные друг с другом продольные брусья с крестообразно вставленными в них копьями. На каждый полк Обсервационного корпуса было положено по 375 рогаточных брусов и 9.000 копий с подтоками, из расчета 24 копья на один брус. Длина рогаточного копья

составляла 2 аршина 8 вершков, длина бруса — 4 аршина 4 вершка²³².

Размеры и количество «железного прибора» к рогаткам и пикинерским копьям описывались исключительно подробно:

«...Копье пикинерское четырехгранное, мерою до трубки три с половиной вершка, трубка два с половиной вершка. К нему приделанные по обеим сторонам для пришивки к деревку помочи длиною в один аршин пять вершков с половиной. Для пришивки трубки и помочей по обеим сторонам гвоздей железных по восемнадцати, длиною без четверти в вершок.

Копье рогаточное четырехгранное, длиною до трубки в два вершка, к ней приделано по обеим сторонам для пришивки к деревку помочи длиною в аршин с четвертью. И в тех помочах у концов для вкладывания в рогаточный брус с одной стороны две закрепки, одна от копейной трубки вниз по помочи в один аршин два вершка, другая от неё на той же помочи вниз в два вершка, с другой стороны одна закрепка против самой нижней от другой стороны закрепки же, мерою вниз же по помочи один аршин с четвертью. Те закрепки загибаны из тех же помочей, мерою каждая по полувершку. Для пришивки того копья и помочей гвоздей пятнадцать длиною без четверти в вершок. К тому копью на древко подток четырехгранный острый, без четверти в вершок, к нему трубка полтора вершка, для пришивки два гвоздя показанной же длины.

К каждому брусу рогаточному обоймиц по две четырехугольные, каждая сторона по полутору вершку, к ним на пришивку гвоздей к каждой по два, мерою в один вершок. Петель две, одна без крюка, со огибкою конца рогаточного бруса на все стороны, кроме петли, по вершку с четвертью, на пришивку оной два гвоздя мерою в один вершок; другая такой же меры и с такою же огибкою, на ней смычный крюк длиною три вершка с половиной, к той петле на пришивку два гвоздя длиною в один вершок»²³³.

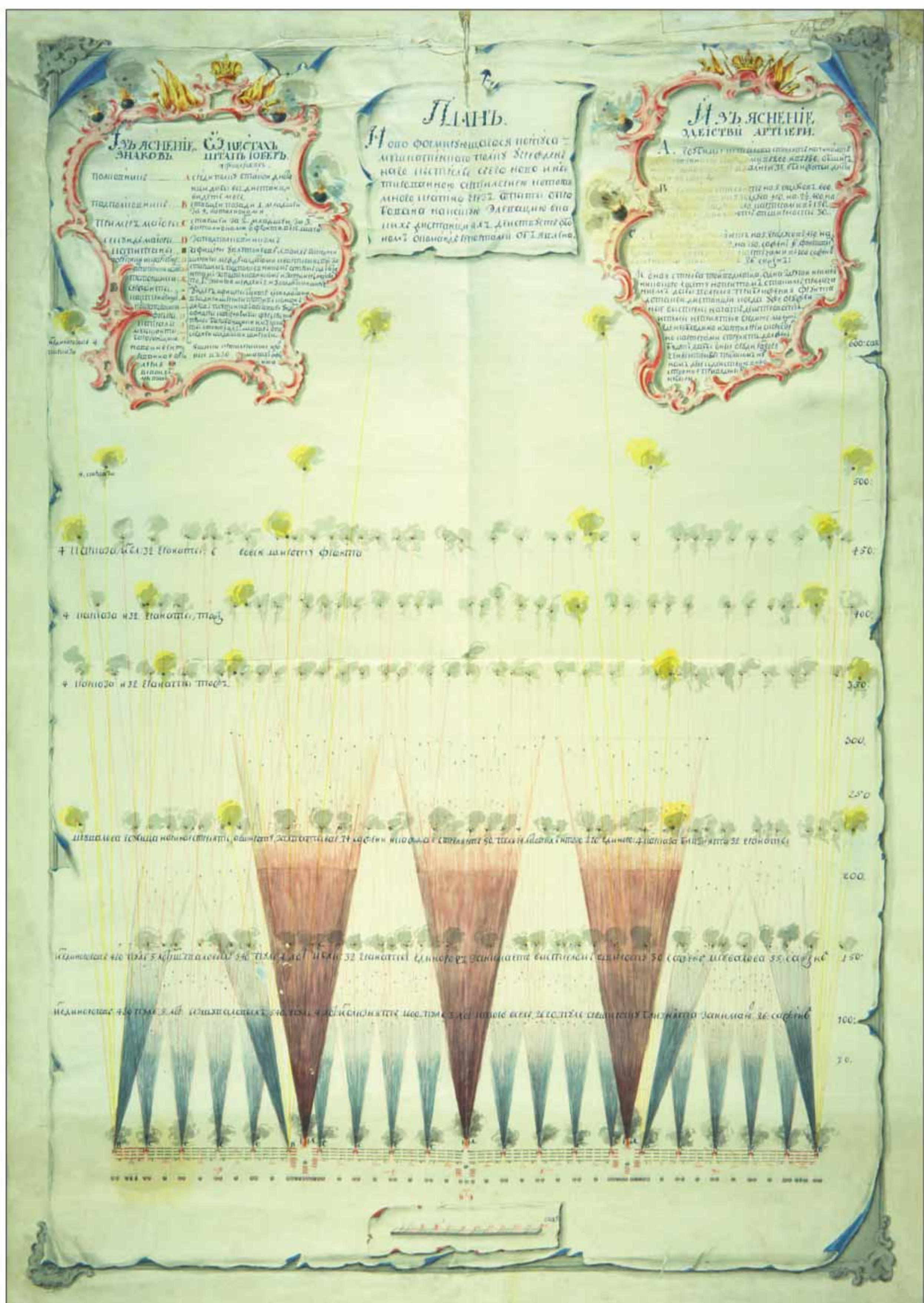
Все усилия и затраты на изготовление рогаток и «колонножных» копий (в том числеunter-офицерских) оказались напрасны — в начале 1758 г., перед выступлением за границу, полки оставили их в цейхгаузах²³⁴.

Полковая и полевая артиллерия

Состав полковой и полевой артиллерии Обсервационного корпуса менялся неоднократно. Подробно расписывать все эти изменения, в большинстве своем оставшиеся на бумаге, а равно артиллерийскую часть вообще, поскольку статья униформологическая, мы не станем, ограничившись только перечислением орудий. Артиллерия была главным оружием корпуса, поэтому количество ее назначалось с таким расчетом, чтобы неприятель не мог сохранить боевой порядок к тому моменту, когда окажется на дистанции ружейного выстрела: «... как бы неприятельский фронт спешно атаковать ни начал наш, то артиллерийские орудии на дальних и ближних дистанциях разными своими снаряды, а особенно картечи, так вредить, уповательно, могут, что ему до нашего фронта на ружейный выстрел приближиться в надлежащем порядке способу надежного нет»²³⁵.

Сначала при каждом полку было велено иметь по 16 «новоинвентованных» орудий — «близнят» (всякое в четыре ствола) и 4 обычных трехфунтовых пушки²³⁶.

* Малые (ротные) колонны — включенная в пехотный устав 1755 года тактическая новинка, так и не нашедшая применения на практике. Суть этого построения заключалась в том, что при внезапной атаке «со всех сторон», стоящий в развернутом строю полк должен был «сочинить» по отдельной колонне из каждой своей роты, причем одна половина таких колонн (через одну) обворачивалась головой в ту сторону, где прежде находился фронт полка, а другая половина — в сторону тыла.

**План боевого порядка мушкетерского полка Обсервационного корпуса,
с показанием радиуса действия огня принадлежащей ему артиллерии. 1757 г.**
РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16179. Л.1. Рукоп. в красках. 70,5 x 50 см

Рескриптом Конференции от 6 мая 1757 г. при полках предписывалось содержать по 16 «близнят и малых единорогов» и, взамен трехфунтовых пушек, 4 полурудовых единорога²³⁷. В январе 1758 г., перед выступлением корпуса за границу, полковая артиллерия получила следующее устройство: 4 «секретных» шуваловских гаубицы, 2 полукартаунных* и 12 четвертькартаунных (или же двенадцатифунтовых) единорогов²³⁸. Гренадерскому, Первому, Четвертому и Пятому мушкетерским полкам достался весь описанный выше комплект орудий, а Третий полк пошел в поход без двенадцатифунтовых единорогов. В конце мая 1758 г., для более равномерного распределения имеющихся при корпусе орудий, в Гренадерском, Первом и Третьем мушкетерских полках было приказано иметь по 4 «секретных» гаубицы, 2 полукартаунных и 10 двенадцатифунтовых единорогов, в Четвертом и Пятом полках – по 4 «секретных» гаубицы, 2 полукартаунных и 9 двенадцатифунтовых единорогов²³⁹.

Помимо артиллерии, состоявшей непосредственно при полках, Обсервационный корпус имел еще и полевую артиллерию. По первому штату она насчитывала 24 орудия: 12 восьми- и 12 шестифунтовых пушек²⁴⁰. Рескриптом Конференции от 6 мая 1757 г. состав и количество орудий полевой артиллерии были существенно изменены: 6 двенадцати- и 6 шестифунтовых пушек, 6 пудовых, 6 полурудовых и 6 «малых» восьмифунтовых единорогов²⁴¹. Кроме того, при корпусе находилось 20 «секретных» гаубиц²⁴². Реляцией от 5 января 1758 г. Шувалов испросил у Конференции дозволение еще раз поменять состав полевой артиллерии корпуса. Теперь ее представляли 2 двухкартаунных, 6 картаунных, 18 полукартаунных и 6 восьмифунтовых единорогов, всего 32 орудия²⁴³.

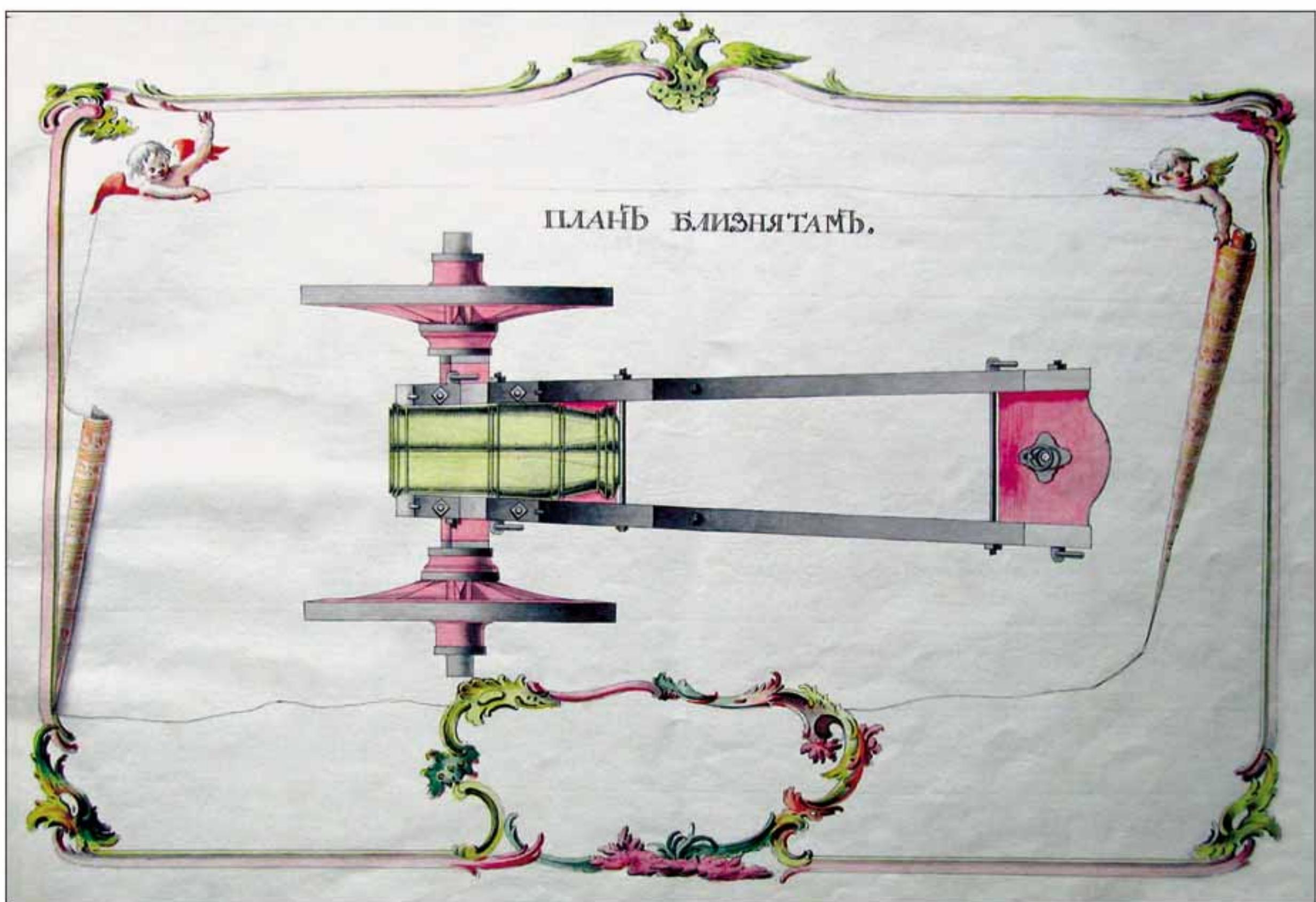
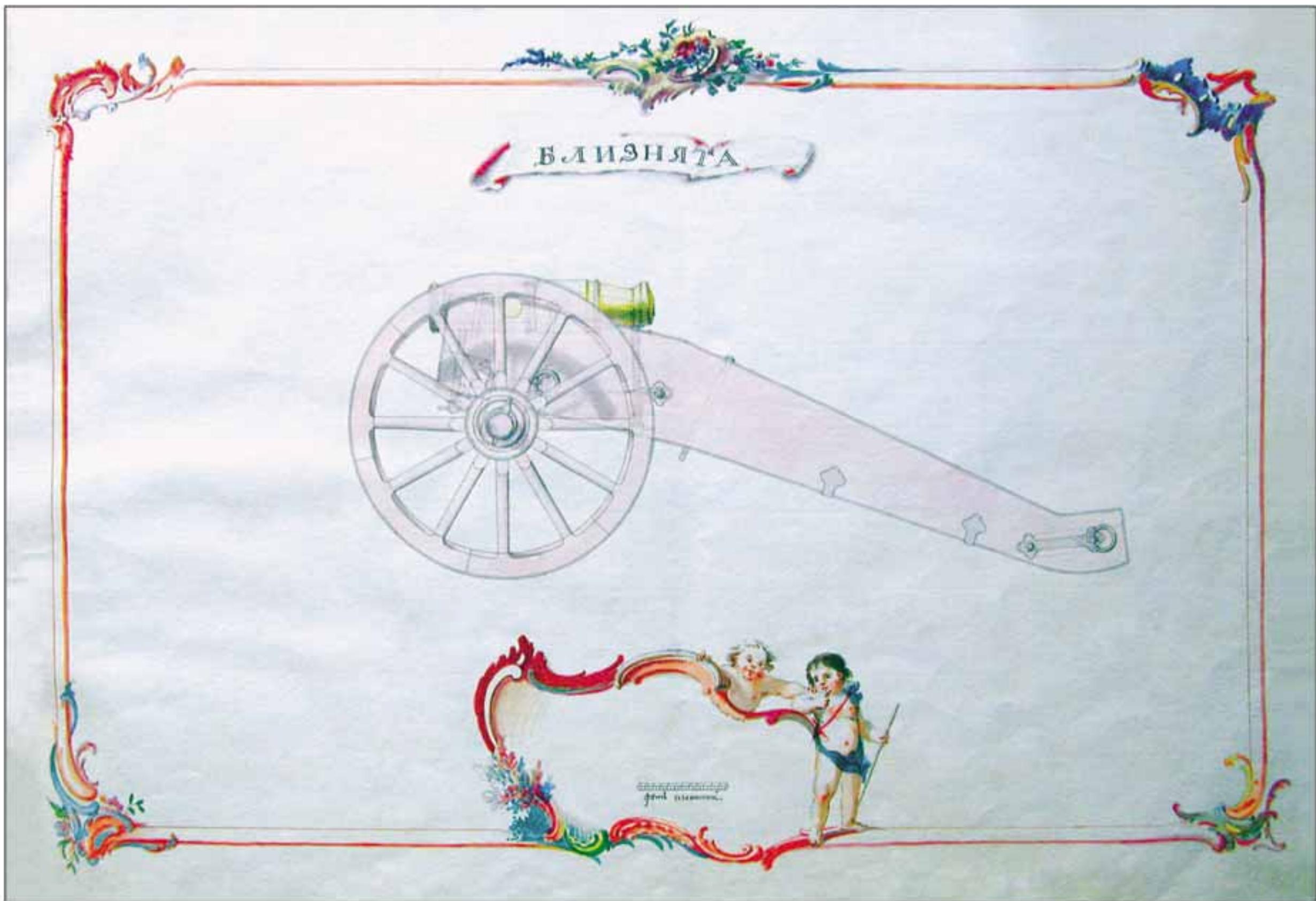
Автор выражает глубокую признательность Николаю Рагожану (Москва, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого) за предоставление иллюстративных материалов из собрания Историко-мемориального зала академии; Ежи Даго и Гжегожу Подручному (Познань, Университет им. Адама Мицкевича) за предоставление материалов археологических исследований на месте сражения под Кунерсдорфом.

В 1758 г. генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Шувалов представил императрице Елизавете альбом «чертежей» изобретенной им «новой артиллерии» – планы и профили «близнят», двухкартаунных, картаунных, полукартаунных, четвертькартаунных (или же двенадцатифунтовых) и восьмифунтовых единорогов, двенадцати- и шестифунтовых пушек, с описанием их особенностей и «преимуществ» перед прежними орудиями сходных калибров.

Казалось, наступает новая эра в истории русской артиллери! Вот, например, какими достоинствами обладал картаунный единорог: «...Имеет в себе весу сорок пять пуд, а стреляет сорокавосьмифунтовое ядро или одного пуда бомбу так сильно, как восемнадцатифунтовая пушка свое ядро. И, таким образом, пред восемнадцатифунтовою пушкою, в рассуждении величины своего ядра и действия бомбы в земляном валу, великое преимущество имеет. Сколь способно сие орудие в поле, тό легко видеть можно, понеже самое легкое полевой артиллерии орудие, [такое], как шестифунтовая пушка, сего единорога десятью пудами тяжелее, а стреляет он во всякий выстрел в восемь раз больше картечь, нежеди шестифунтовая пушка, и еще гораздо сильнее, а притом так скоро, как шестифунтовая пушка. И хотя до сего времени употреблялись гаубицы, но токмо оных с единорогом сравнить никак нельзя: 1-е, потому, что они бомб и ядр горизонтально стрелять не могут, и так польза при осаде пропадает; 2-е, что гаубичные картечные выстрелы слабы, потому что камора мала; 3-е, что они, по причине цилиндрической их каморы, для заряжания вдвое против единорога времени требуют. Картаунный единорог на пятнадцать градусов элевации (возвышения. – Авт.) бросает более тысячи сажен свою бомбу, а можно опустить его до двадцати пяти градусов».

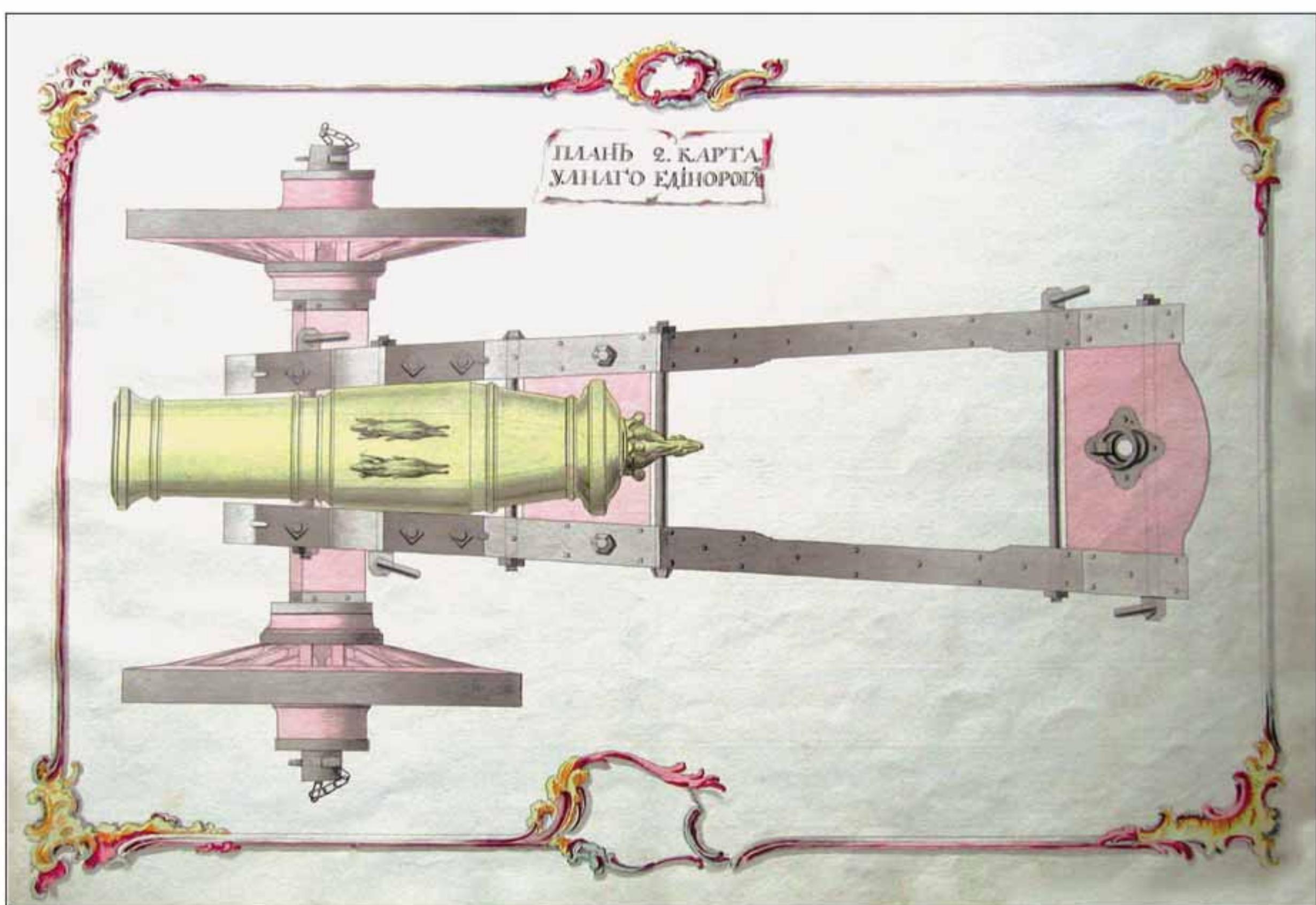
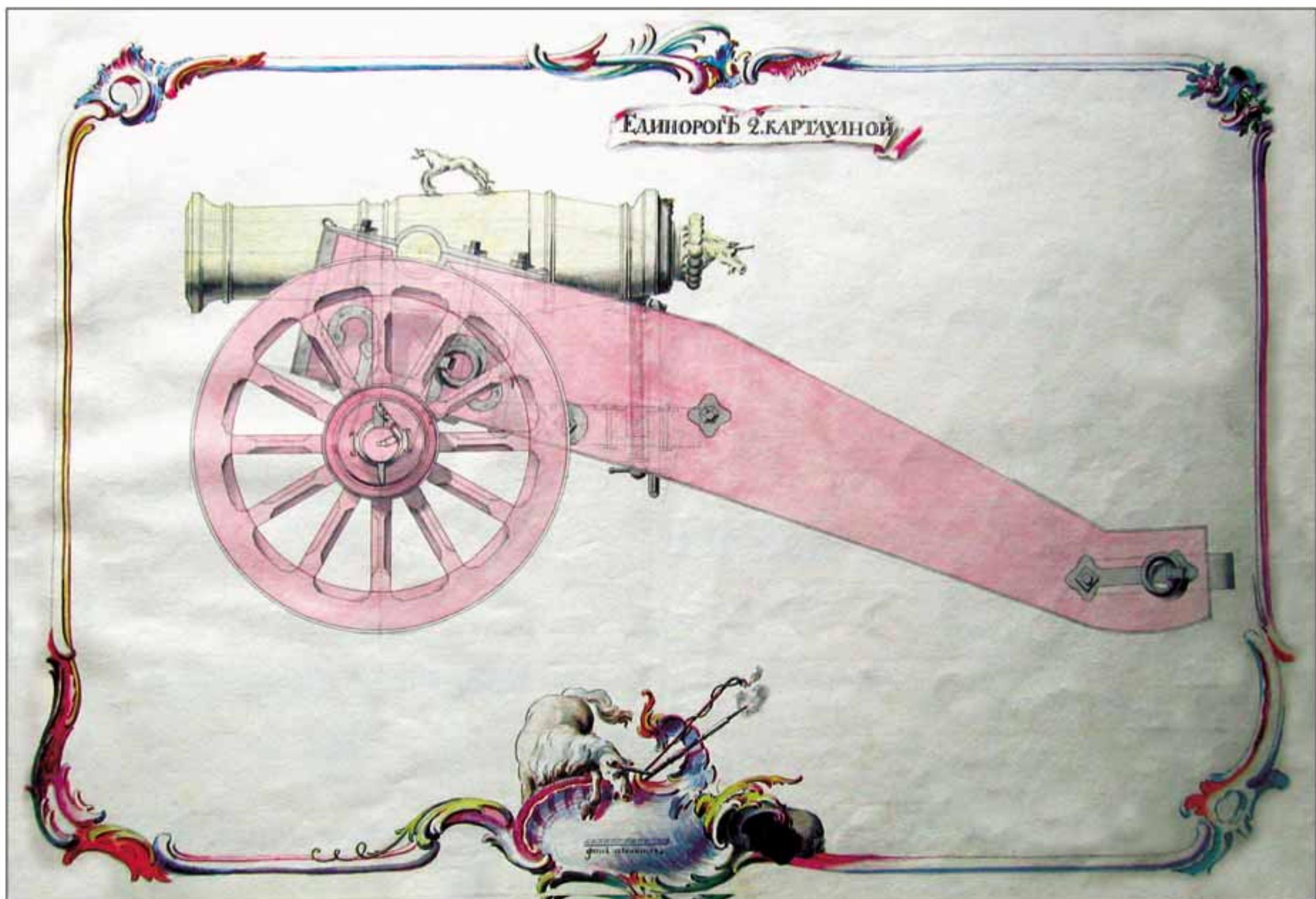
На деле же из всех этих «новоинвентованных» систем по-настоящему полезными оказались только восьми- и шестифунтовые единороги, ставшие основным видом орудий полковой артиллерии. Другие системы были вовсе не столь хороши и универсальны, как представлялось их создателям, и начали постепенно выходить из обращения после отставки Шувалова. Ниже мы приводим рисунки всех орудий из этого альбома, кроме двенадцати- и шестифунтовых пушек.

* Картаун – 48-фунтовая пушка. 24-фунтовая пушка, таким образом, была полукартаунной, а 12-фунтовая – четвертькартаунной. Пудовые гаубицы и единороги считались картаунными, полу- и четвертьпудовые – соответственно, полу- и четвертькартаунными. Двухкартаунные, картаунные и полукартаунные орудия благодаря своему калибру относились к осадной (раскатной) артиллерии.

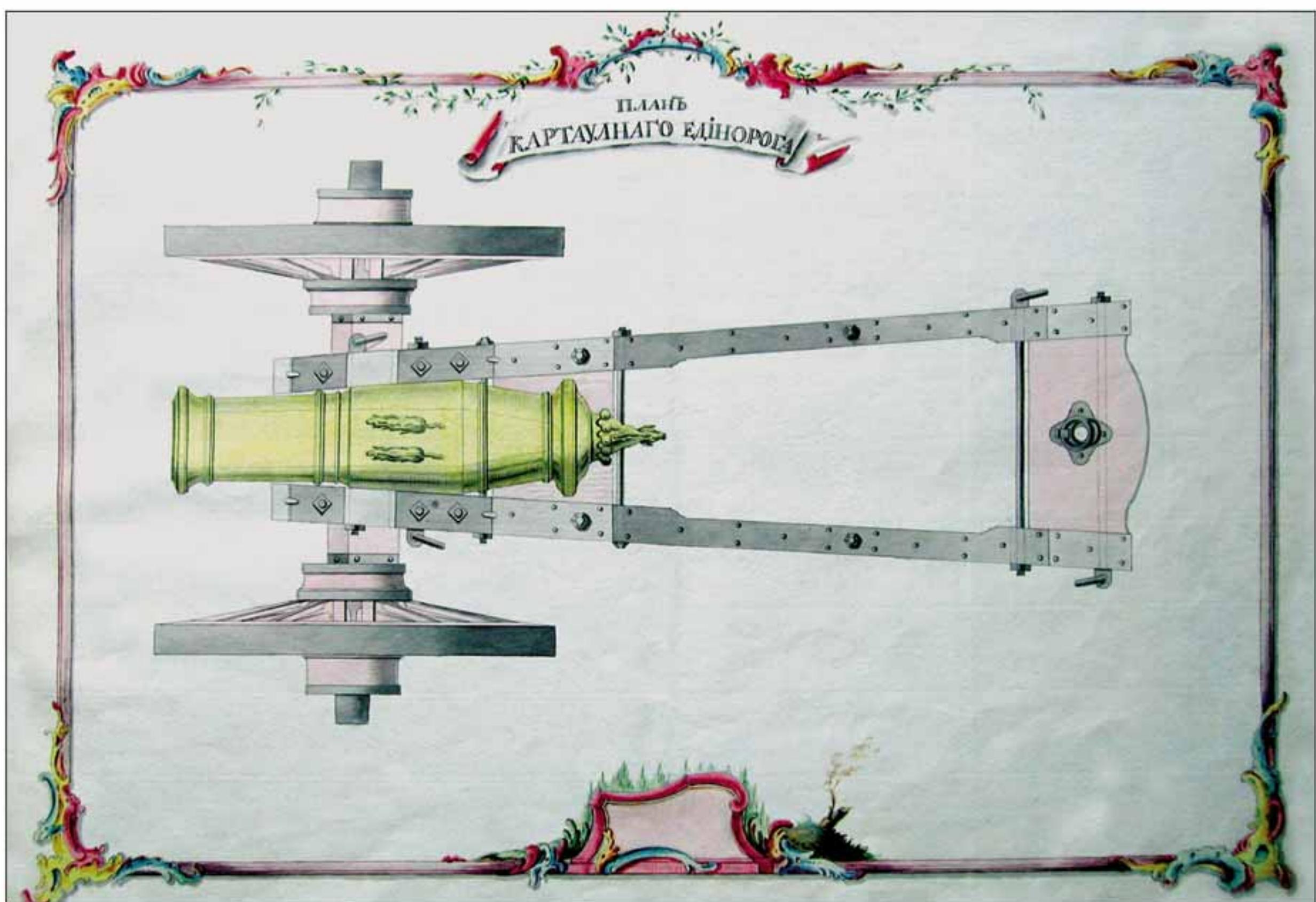
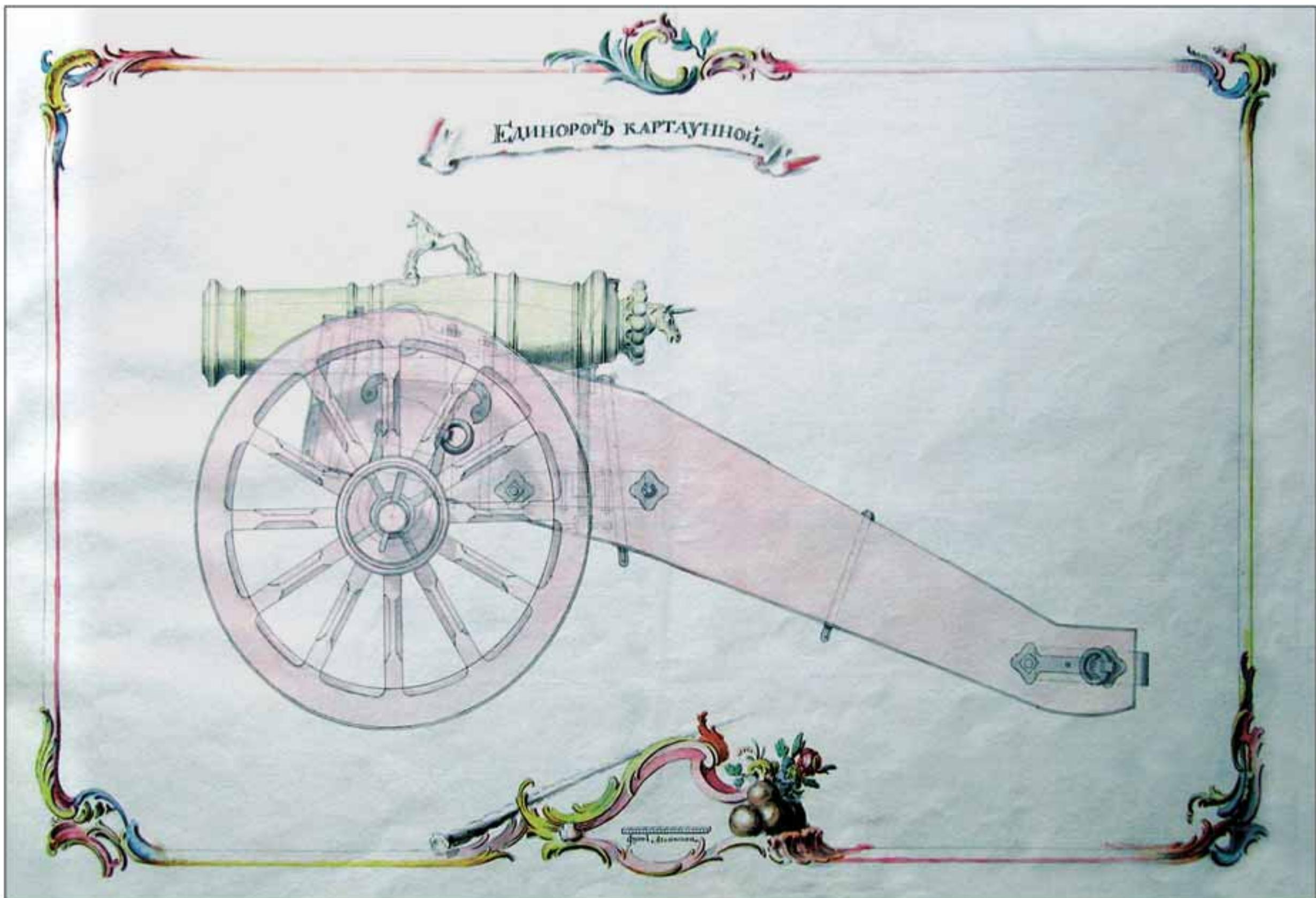

Профиль и план «близнят». 1758 г.

Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. Инв № 54. Л.9, 10. 33,5 x 50 см

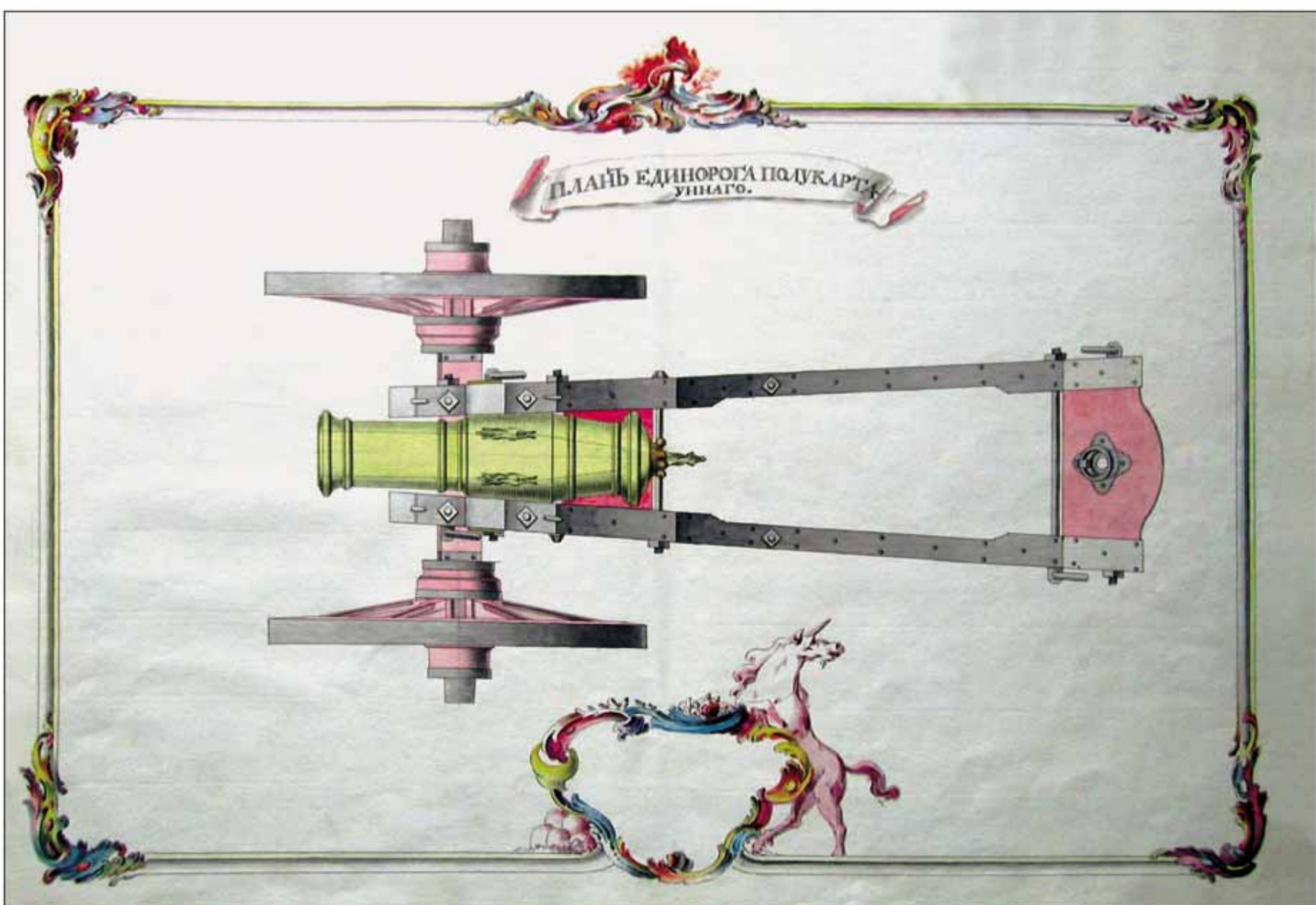
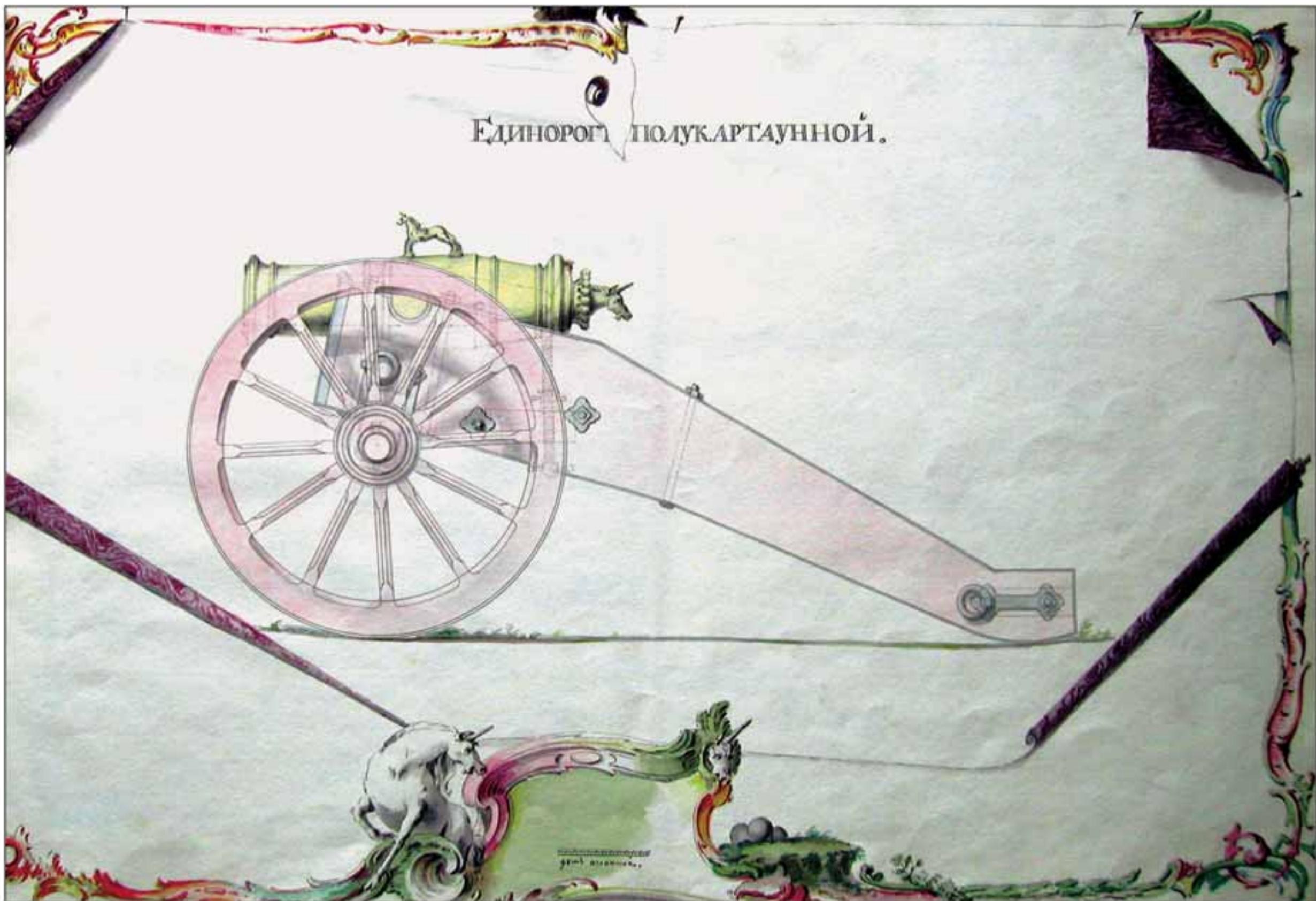

Профиль и план двухкартаунного единорога. 1758 г.
Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. Инв № 54. Л.12, 13. 33,5 x 50 см

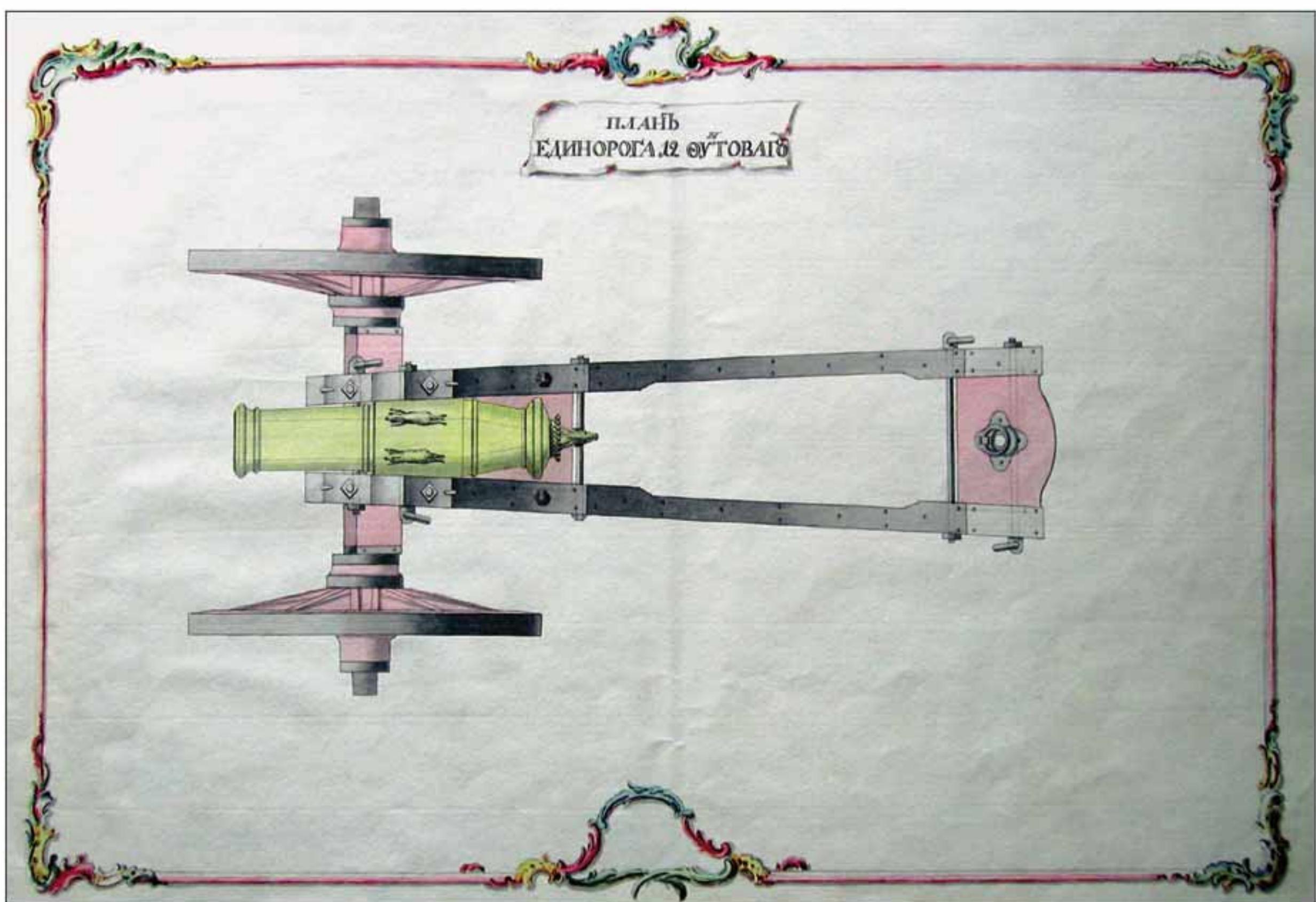
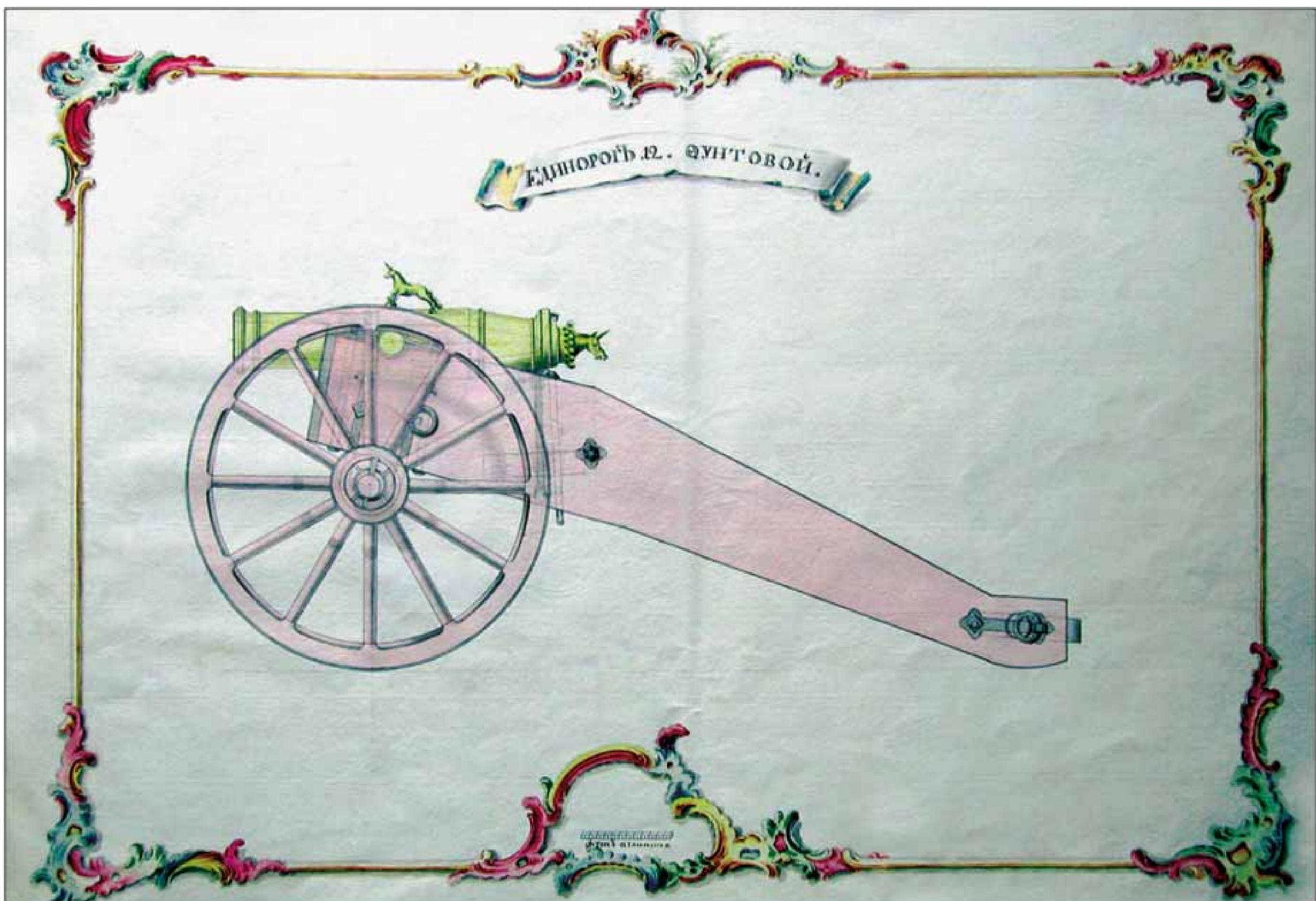

Профиль и план картаунного единорога. 1758 г.

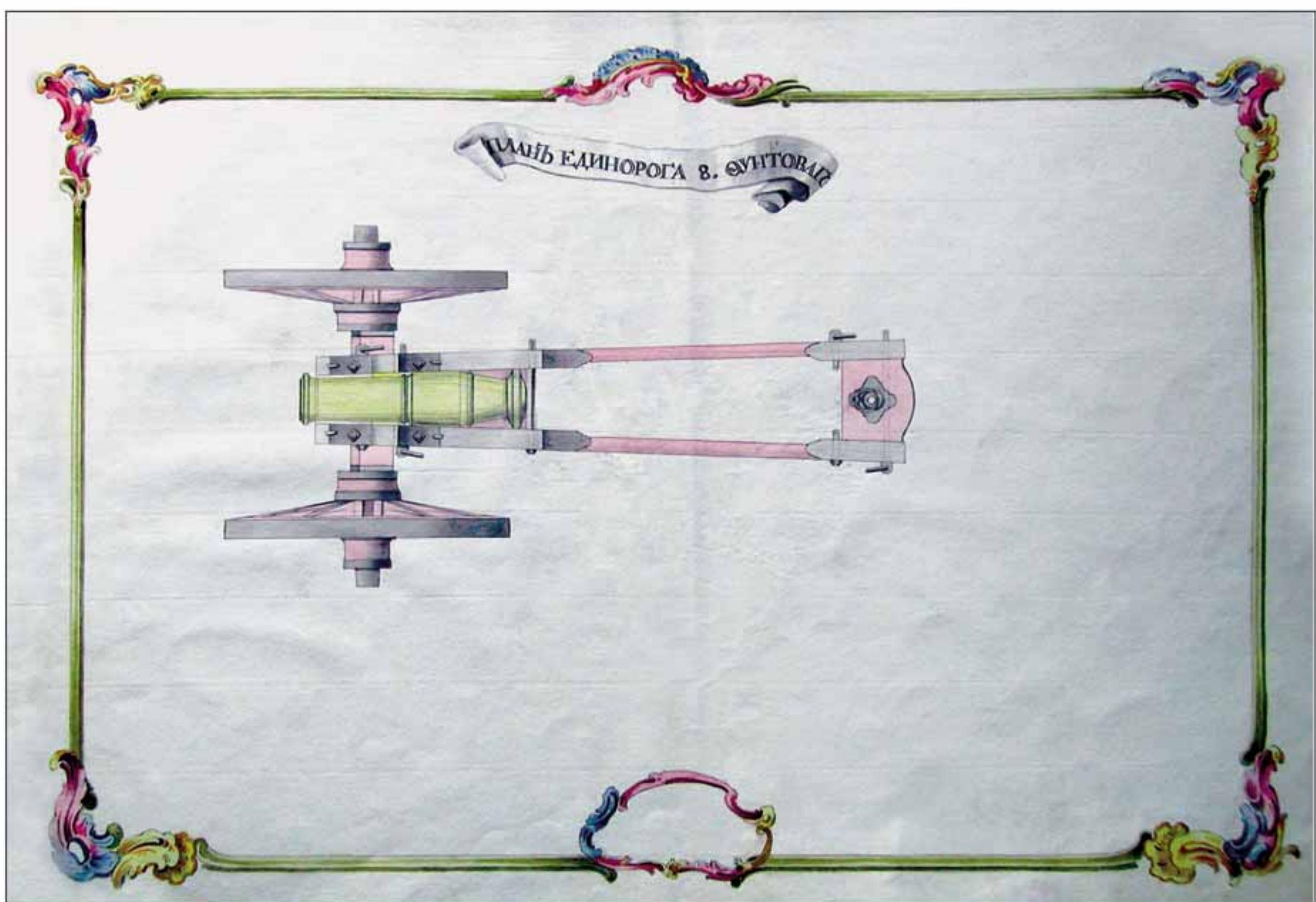
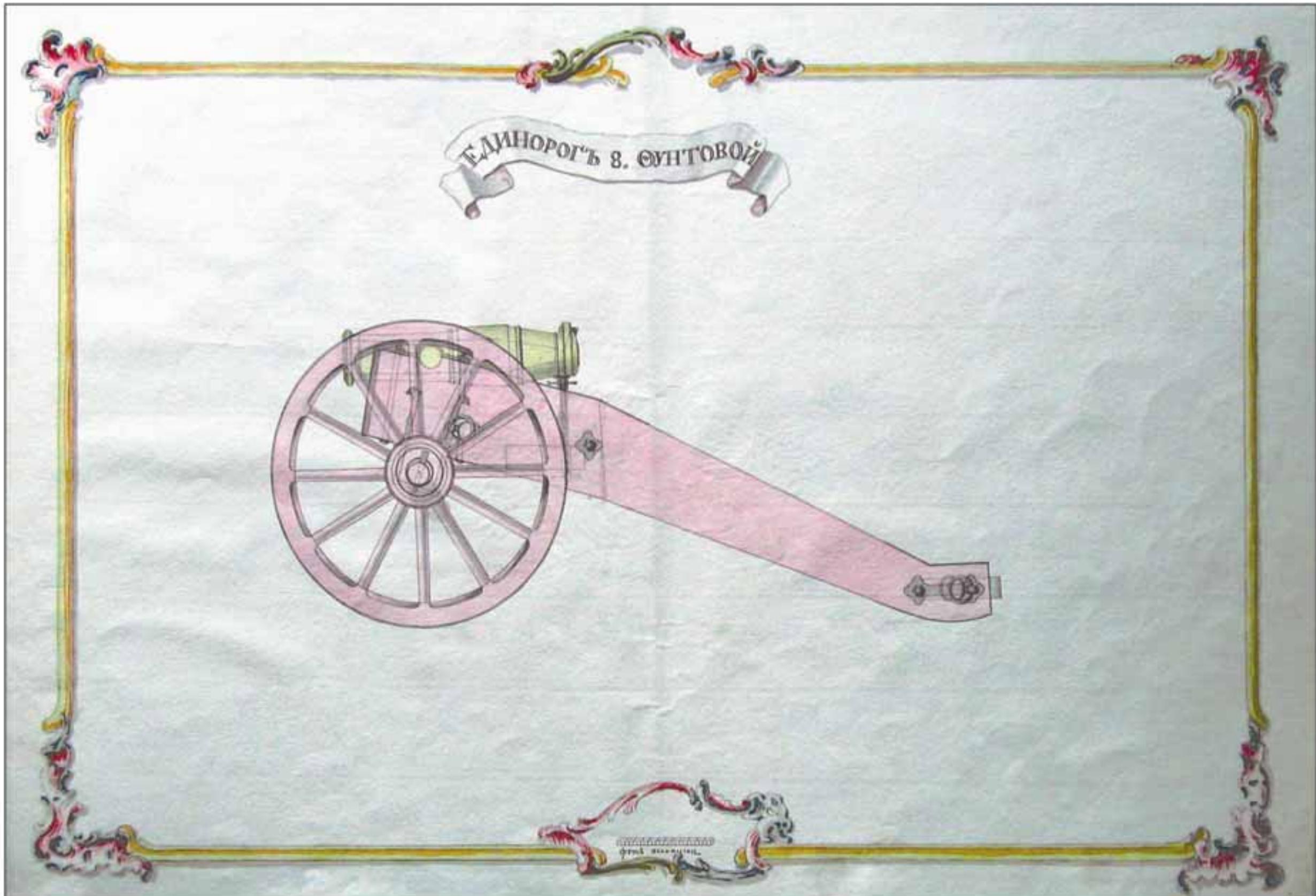
Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. Инв № 54. Л.15, 16. 33,5 x 50 см

Профиль и план полукартаунного единорога. 1758 г.
Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. И nv № 54. Л.18, 19. 33,5 x 50 см

Профиль и план четвертькартаунного (12-фунтового) единорога. 1758 г.
Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. Инв № 54. Л.21, 22. 33,5 x 50 см

Профиль и план 8-фунтового единорога. 1758 г.

Историко-мемориальный зал ВА РВСН им. Петра Великого. И nv № 54. Л.24, 25. 33,5 x 50 см

- ¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.2. Л.5-5 об.
² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.710 об.-711.
³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.17 об.
⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.136.
⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.552 об.
⁶ РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.5. Л.342 об.-343.
⁷ РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.9. Л.110-114 об., 166-174.
⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.42. Л.39 об.
⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.46. Л.72.
¹⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.64. Л.444.
¹¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.64. Л.444 об.-445; Св.90. Д.46. Л.4-10.
¹² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.42. Л.43 об.-44.
¹³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.475.
¹⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.201 об.
¹⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.46. Л.40 об.
¹⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.10. Л.69.
¹⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.131 об.-133.
¹⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.22. Л.152-153.
¹⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.547 об.
²⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.557-557 об.
²¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.192 об.
²² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.13. Л.497-497 об.
²³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.34 об.-35.
²⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.206.
²⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.278.
²⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.13. Л.497-497 об.; Д.21. Л.444.
²⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.210; Д.9. Л.469.
²⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.278 об., 306, 469.
²⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.39. Л.612.
³⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.710-710 об.
³¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.13. Л.497; Св.90. Д.18. Л.397-397 об.
³² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.22. Л.13 об.-14.
³³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.22. Л.43.
³⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.33. Л.390.
³⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.3. Л.44⁶ об.
³⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.332.
³⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.777 об.; Св.90. Д.10. Л.132.
³⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.804-805; Св.90. Д.12. Л.212-213.
³⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.478.
⁴⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.20. Л.13-13 об.
⁴¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.742.
⁴² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.158 об.
⁴³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.12. Л.197; Св.90. Д.19. Л.132 об.-133.
⁴⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.7. Л.129.
⁴⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.290-290 об.
⁴⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.12. Л.130-130 об.
⁴⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.75. Д.5. Л.108 об.
⁴⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.832.
⁴⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.9. Л.315-315 об.
⁵⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.9. Л.316.
⁵¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.4 об., 285.
⁵² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.51 об., 131 об.-132.
⁵³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.115-115 об.
⁵⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.253-253 об.
⁵⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.125.
⁵⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.133 об.-135 об.
⁵⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.46. Л.1.
⁵⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.132 об.
⁵⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.160 об.
⁶⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.134 об.
⁶¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.134 об.
⁶² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.988.
⁶³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.341.
⁶⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.135.
⁶⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.133 об.-134 об.
⁶⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.214 об.
⁶⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.988.
⁶⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.33. Л.153-154.
⁶⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.43. Л.249.
⁷⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.59. Л.48-48 об.
⁷¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.51. Ч.1. Л.89-90 об.
⁷² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.135 об.-137.
⁷³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.987.
⁷⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.75. Д.5. Л.3-4.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.989.
⁷⁶ РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.3. Л.199-199 об.; Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.197.
⁷⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.147 об.
⁷⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.930-931.
⁷⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.989.
⁸⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.137; Д.44. Л.706; Д.47. Л.25.
⁸¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.47. Л.37-37 об.
⁸² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.10. Л.623.
⁸³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.51. Ч.1. Л.90.
⁸⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.289 об.-290.
⁸⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.241 об.
⁸⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.241 об.
⁸⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.742 об.
⁸⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.241 об.; Д.46. Л.159 об. и др.
⁸⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.136 об.
⁹⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.10. Л.69, 159 об.
⁹¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.46. Л.208 об.
⁹² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.33. Л.136.
⁹³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.137 об.-138.
⁹⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.616 об.-617.
⁹⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.11. Л.395.
⁹⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.140 об.
⁹⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.12. Л.122; Св.90. Д.6. Л.329 об.
⁹⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.329-330.
⁹⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.22. Л.156-156 об.
¹⁰⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.3. Л.94 об.; Д.7. Л.133; Д.12. Л.123-124.
¹⁰¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.163-164.
¹⁰² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.141 об.
¹⁰³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.274 об.-275.
¹⁰⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.154.
¹⁰⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.16. Л.359-359 об.
¹⁰⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.12. Л.1044.
¹⁰⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.132.
¹⁰⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.12. Л.108-111; Св.90. Д.19. Л.143 об.
¹⁰⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.291.
¹¹⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.291 об.-292.
¹¹¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.305-305 об.
¹¹² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.251 об.
¹¹³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.272 об.-273.
¹¹⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.10. Л.160 об.
¹¹⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.232-232 об.
¹¹⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.75. Д.8. Л.3 об.
¹¹⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.44. Л.707 об.
¹¹⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.539 об.
¹¹⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.366-366 об., 430 об., 474 об.-475.
¹²⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.11. Л.41 об.
¹²¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.158 об.
¹²² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.241, 987 об.
¹²³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.8. Л.393 об.-394.
¹²⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.43. Л.32-32 об.
¹²⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.717-718 об.
¹²⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.649.
¹²⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.24. Л.25.
¹²⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.71.
¹²⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.205-206.; Д.44. Л.708 и др.
¹³⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.669-669 об.
¹³¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.988.
¹³² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.39. Л.254.
¹³³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.219 об.
¹³⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.159.
¹³⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.172-172 об.
¹³⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.291.
¹³⁷ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.141. Л.32 об.; Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.142 об.-143.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.41 об.
¹³⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.145 об.
¹⁴⁰ РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.3. Л.159 об.
¹⁴¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.46. Л.430 об.-431 об.
¹⁴² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.75. Д.54. Л.41 об.
¹⁴³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.146 об.
¹⁴⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.240.
¹⁴⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.61. Л.312 об., 315 об., 313 об., 318 об. 320 и др.
¹⁴⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.272.
¹⁴⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.170.

- ¹⁴⁸ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.141. Л.106.
¹⁴⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.23. Л.293-293 об.
¹⁵⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.469; Св.90. Д.19. Л.170.
¹⁵¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.469.
¹⁵² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.9. Л.392; Св.90. Д.51. Л.369 об. и др.
¹⁵³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.639 об.
¹⁵⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.469.
¹⁵⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.671.
¹⁵⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.170-170 об.
¹⁵⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.51. Л.59 об., 89 об., 90 об. и др.
¹⁵⁸ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.141. Л.106 об.-107.
¹⁵⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.23. Л.292.
¹⁶⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.469.
¹⁶¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.250; Св.90. Д.19. Л.170 об.-171.
¹⁶² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.11. Л.25-25 об.
¹⁶³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.14. Л.184.
¹⁶⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.23. Л.293.
¹⁶⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.241.
¹⁶⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.742 об.
¹⁶⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.250 об.-251.
¹⁶⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.622.
¹⁶⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.373 об.-374.
¹⁷⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.11. Л.41.
¹⁷¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.466.
¹⁷² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.33. Л.213.
¹⁷³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.171.
¹⁷⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.171 об.
¹⁷⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.13. Л.139-139 об.
¹⁷⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.171-172.
¹⁷⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.61. Л.312.
¹⁷⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.171 об.
¹⁷⁹ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.141. Л.112 об.
¹⁸⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.165.
¹⁸¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.170 об.
¹⁸² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.51. Л.175 об., 177 об. и др.
¹⁸³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.742; Д.23. Л.292 об.
¹⁸⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.742.
¹⁸⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.22. Л.155-158.
¹⁸⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.24. Л.23 об.
¹⁸⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.24. Л.22-22 об.
¹⁸⁸ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.141. Л.112-112 об.
¹⁸⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.235 об.-236, 301-302.
¹⁹⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.142-142 об.
¹⁹¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.527 об.
¹⁹² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.10. Л.203.
¹⁹³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.142-142 об.; Св.90. Д.6. Л.52.
¹⁹⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.235 об.-236, 301-302.
¹⁹⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.46. Л.429 об.
¹⁹⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.16. Л.52, 57.
¹⁹⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.738 об.
¹⁹⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.30. Л.85 об.; Св.90. Д.46. Л.429-430.
¹⁹⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л. 6 об.-7, 167.
²⁰⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.269 об.
²⁰¹ РГВИА. Ф.27. Оп.1. Д.3. Л.158-159.
²⁰² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.9. Л.91-91 об.
²⁰³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.42. Л.159.
²⁰⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.140 об.-141.
²⁰⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.59 об.
²⁰⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.240-240 об.
²⁰⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.604 об.-606.
²⁰⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.289.
²⁰⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.1018 об.-1019 об.
²¹⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.873 об.
²¹¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.16. Л.52-53.
²¹² РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.152 об., 239.
²¹³ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.310 об.-311.
²¹⁴ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.242 об.-243, 310-311.
²¹⁵ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.670 об.
²¹⁶ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.7. Л.124.
²¹⁷ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.21. Л.989.
²¹⁸ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.6. Л.151.
²¹⁹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.19. Л.151 об.
²²⁰ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Д.24. Л.44-44 об.
²²¹ РГВИА. Ф.48. Оп.1. Св.90. Д.12. Л.37-37 об.